

ISSN: 3033-6848

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

SCIENCE AND
KNOWLEDGE
INTEGRATION

№ 2 / 2025

<https://nskijournal.com/>

Главный редактор журнала:

Стригунова Дина Павловна, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский кампус, Институт права и национальной безопасности, Юридический факультет имени М.М. Сперанского, кафедра международного и интеграционного права, Москва, Россия

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Василевич Дмитрий Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, Международный университет «МИТСО», кафедра международного права, Минск, Беларусь.

Гладун Елена Федоровна, доктор юридических наук, Институт государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Грэм Люк Д., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры публичного права и прав человека, Манчестерский университет, Манчестер, Великобритания

Гуторова Алла Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Здрок Оксана Николаевна, доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе и образовательным инновациям, Белорусский государственный университет, кафедра гражданского процесса и трудового права, Минск, Беларусь.

Кодиров Некруз Абдулмаджидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан

Конвей Джерард, PhD, старший преподаватель юридической школы Брунеля, Лондонский университет Брунеля, Лондон, Великобритания

Кравцова Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Магомедова Ольга Сергеевна, доктор юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Россия

Мазуренко Андрей Петрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Маличенко Владислав Сергеевич, доктор юридических наук, отдел социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия

Марчук Василий Васильевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

Несса Джасмин Джохурун, PhD, научный сотрудник по международному праву, Университет Бристоля, Бристоль, Великобритания

Самараратне Динеша, доктор наук, профессор публичного и международного права, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка

Фомичева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА, Орск, Россия

Хэдли Мари, доктор философии в области права, старший преподаватель Школы права и правосудия, Университет Ньюкасла, Новый Южный Уэльс, Австралия

Чжан Сяошань, кандидат юридических наук, преподаватель юридического факультета, Гуандунский университет иностранных языков, Гуанчжоу, Китай

Шахрай Ирина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: [https:// nskijournal.com /](https://nskijournal.com/)

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90287

ISSN: 3033-6848

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва.

© Science and knowledge integration, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.5. Международно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по

существованию исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Science and knowledge integration» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту АРА)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Science and knowledge integration» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Strigunova Dina Pavlovna, Doctor of Laws, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow Campus, Institute of Law and National Security, M.M. Speransky Faculty of Law, Department of International and Integration Law, Moscow, Russia

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Vasilevich Dmitry Grigoryevich, PhD in Law, Associate Professor, International University “MITSO”, Department of International Law, Minsk, Belarus.

Gladun Elena Fyodorovna, Doctor of Laws, Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Graham Luke D., PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Public Law and Human Rights, University of Manchester, Manchester, UK

Gutorova Alla Nikolayevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Constitutional Law, South-West State University, Kursk, Russia

Zdrok Oksana Nikolayevna, Doctor of Laws, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Educational Innovations, Department of Civil Procedure and Labour Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Kodirov Nekruz Abdulmadzhidovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

Conway Gerard, PhD, Senior Lecturer, Brunel Law School, Brunel University London, London, UK

Kravtsova Elena Aleksandrovna, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia

Magomedova Olga Sergeevna, Doctor of Laws, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

Mazurenko Andrey Petrovich, Doctor of Laws, Professor, Department of State and Legal Disciplines, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Malichenko Vladislav Sergeevich, Doctor of Laws, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Marchuk Vasily Vasilievich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminal Law, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

Nessa Jasmin Johurun, PhD, Research Fellow in International Law, University of Bristol, Bristol, UK

Samararatne Dinesha, PhD, Professor of Public and International Law, University of Colombo, Colombo, Sri Lanka

Fomicheva Olga Anatolyevna, Doctor of Laws, Professor, Orsk Branch of Moscow University of Finance and Law, Orsk, Russia

Hadley Marie, PhD in Law, Senior Lecturer, School of Law and Justice, University of Newcastle, New South Wales, Australia

Zhang Xiaoshan, PhD in Law, Lecturer, School of Law, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

Shakhray Irina Sergeyevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: [https:// nskijournal.com /](https://nskijournal.com/)

Media registration number: No. FS77-90287

ISSN: 3033-6848

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Science and knowledge integration, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.2. Public-legal (state-legal) sciences

5.1.5. International Legal Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Science and knowledge integration" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to " Science and knowledge integration" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors 'point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки	8
Шопен Ж. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СМЕНЯЕМОСТИ ВЛАСТИ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	8
Харрисон К. К ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УСТАНОВЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА НАСТУПЛЕНИЯ ТРУДОСПОСОБНОСТИ	21
Соццо М. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	33
Рохов Д. СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....	46
Джеффрис С. ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ В ЧАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛЕЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В СТ. 3.1 КОАП РФ	57
5.1.5. Международно-правовые науки	68
Дакен Дж. С. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И СОБЛЮДЕНИЯ	68
Вашкевич П. ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	80
Биде Г.А. ЮРИДИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО ГОСУДАРСТВ И ПРИОРИТЕТ ИНТЕРЕСОВ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ КАК НЕГЛАСНЫЙ ПРИНЦИП МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	91
Айкен М. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В СИСТЕМЕ БАРЬЕРОВ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ МИРНОМУ СОСУЩЕСТВОВАНИЮ	101
Клементс Р. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ .	113

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 342.5

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СМЕНЯЕМОСТИ ВЛАСТИ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

**Шопен Жюльен, Ph.D., постдокторант, Лозаннский университет, Лозанна,
Швейцария, julienchoplaus@mail.ru**

Аннотация

Принцип сменяемости власти, положенный в основу и Российского государства и многих зарубежных государств, вызывает споры по многим причинам. В этой статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы, связанные с его соблюдением. Автором берётся за основу Конституция РФ в её первоначальной редакции 1993 года и последней редакции, с учётом изменений, внесённых в результате конституционной реформы 2020 года. Рассматриваются некоторые изменения, внесённые в регулирование отношений, связанных с избранием на должность Президента, а также формированием законодательных органов власти. Рассматриваются некоторые зарубежные примеры решения вопроса сменяемости власти. Анализируются отдельные высказанные в науке точки зрения о недооценке в России указанного принципа. Подчёркивается особая важность соблюдения указанного принципа с точки зрения противодействия коррупции. Обосновывается нецелесообразность соблюдения принципа сменяемости власти как самоценности и обосновывается идея данного принципа как средства реализации демократии.

Ключевые слова: власть, Конституция РФ, несменяемость власти, Президент РФ, преемственность власти, принцип сменяемости власти, стабильность, традиции государственного управления

Статья поступила в редакцию 14.07.2025, одобрена после рецензирования 10.09.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SUCCESSION OF POWER IN THE PRACTICE OF RUSSIAN AND FOREIGN CONSTITUTIONALISM: POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES

**Julien Chopin, Ph.D., Postdoctoral Fellow, University of Lausanne, Lausanne,
Switzerland**

Abstract

The principle of succession of power, which is the basis of both the Russian state and many foreign countries, is controversial for many reasons. This article discusses some of the controversial issues related to its observance. The author takes as a basis the Constitution of the Russian Federation in its original version of 1993 and the latest version, taking into account the changes introduced as a result of the constitutional reform of 2020. Some changes introduced in the regulation of relations related to the election of the President, as well as the formation of legislative authorities, are being considered. Some foreign examples of solving the issue of succession of power are considered. The article analyzes individual points of view expressed in science about the underestimation of this principle in Russia. The special importance of observing this principle from the point of view of combating corruption is emphasized. The inexpediency of observing the principle of the changeability of power as an intrinsic value is substantiated and the idea of this principle as a means of realizing democracy is substantiated.

Keywords: power, Constitution of the Russian Federation, irremovability of power, President of the Russian Federation, continuity of power, principle of changeability of power, stability, traditions of public administration

Введение

Принцип сменяемости власти, в течение многих веков разрабатывавшийся выдающимися мыслителями и получивший наибольшую популярность благодаря классикам Нового времени, в частности, Ш. Л. Монтескье, который полагал, что «обширность власти должна иметь свой противовес в кратковременности её существования» [8, с. 22], получил непосредственное воплощение в конституциях демократических государств.

В результате сейчас указанный принцип, даже если не упоминается в основном законе государства, как правило, остается негласным ориентиром демократического развития, реализуясь в других принципах, в частности, в принципах выборности власти и ограничении сроков пребывания у власти членов соответствующих выборных органов.

В России данный принцип, несмотря на отсутствие прямого упоминания в конституционных нормах, тем не менее, остаётся в числе ключевых, и вывод о его наличии можно сделать хотя бы на основе ст.ст. 81, 95, 96 Конституции РФ, которые ограничивают сроки пребывания у власти Президента РФ, депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации. Но отмечаемые в научной литературе тенденции ослабления гарантий сменяемости власти в России [7, с. 63–64], а также появившиеся в результате реформ 2014 и 2020 гг. некоторые изменения в Конституции РФ, оказавшие непосредственное влияние на воплощение принципа сменяемости власти, породили серьёзный научный и практический интерес к выбранной теме, прежде всего, ввиду необходимости дачи научно-правовой оценки развития отечественного конституционализма в контексте указанного принципа.

Основная часть

Под сменяемостью власти можно понимать происходящее с определённой регулярностью обновление состава выборных (представительных) органов и выборных лиц на базе законодательно установленного предельного числа сроков занятия одним лицом выборной должности [5]. Конечно, данное понятие можно

определять и иначе, но представленный вариант определения, как мы полагаем, вполне точно отражает сущность исследуемого явления.

Исходя из изложенного представления о сменяемости власти, к категории лиц, которые должны быть сменяемы, надлежит относить прежде всего Президента, руководителей регионов (губернаторов) и глав муниципальных образований [9, с. 32].

Во вторую очередь можно говорить и о важности сменяемости членов законодательных (представительных) органов власти. Хотя, если исходить из практики формирования таких органов, то вряд ли можно говорить о сменяемости власти, даже если ориентироваться не только на Россию, но и на другие государства, в частности на США. Многие члены законодательных органов занимают соответствующие должности на протяжении многих лет.

Принцип сменяемости власти, если не углубляться в нюансы его понимания, в современном цивилизованном государстве не вызывает ни у кого сомнений с точки зрения необходимости его сохранения и развития. Во многом его можно считать негласным, ввиду отсутствия прямого упоминания, например, в нормах Конституции РФ. Тем не менее, данный принцип реализуется в вполне конкретных конституционных нормах, о чем было сказано выше. Это означает его несомненную значимость как с точки зрения науки, так и с точки зрения действующего формального законодательства, прежде всего конституционного. Изложенное также не позволяет поставить под сомнение указанный принцип, во всяком случае при рассмотрении принципиально важных основ демократического устройства государства. То есть автор, рассматривая как отечественный, так и зарубежный конституционализм, безоговорочно признает необходимость соблюдения указанного принципа, даже если де-юре он ставится (может ставиться) под сомнение в действующем законодательстве.

Конституция РФ при её принятии в 1993 году обеспечила вполне последовательную реализацию принципа сменяемости власти, установив, во-первых, ограниченные сроки пребывания у власти Президента РФ с запретом на

избрание на данную должность более двух раз; во-вторых, ограничив сроки, на которые избираются члены законодательных органов (Государственной Думы и Совета Федерации).

Однако определённые изменения, произошедшие за последние 30 лет, выразившиеся, в том числе, в укреплении вертикали власти и реформировании Конституции, внесли некоторые коррективы как в формальное понимание указанного принципа, так и в фактическое решение вопроса его соблюдения в практике государственного управления. Учитывая сказанное, можно согласиться с С. А. Манжосовым в том, что в России уже давно наблюдается тенденция ослабления гарантий сменяемости власти [7, с. 63–64].

Детальный анализ отдельных норм Конституции РФ не оставляет никаких сомнений в наличии указанной тенденции. В подтверждение этого целесообразно некоторые нормы рассмотреть именно в контексте исследуемого принципа. Например, особый интерес в контексте исследуемого вопроса вызывает ст. 81 Конституции РФ, претерпевшая существенные изменения в результате реформы 2020 года. В первоначальной редакции указанная статья в части ограничений содержала запрет одному и тому же лицу занимать президентскую должность более двух сроков. В результате конституционной реформы статья была дополнена частью 3.1, предусматривавшей исключение для действующего Президента, что означало неисполнение положений ч. 3 ст. 81 или, иначе говоря, избирательность применения ограничений на занятие президентской должности.

Однозначно, указанные изменения отразились на соблюдении принципа сменяемости власти не в лучшую сторону. Хотя, если пытаться осмыслить позитивные и негативные последствия указанного обстоятельства, то вряд ли можно сделать однозначный вывод. С одной стороны, безусловно, имел место формально и конституционно обоснованный отказ от исполнения прямого конституционно установленного запрета, ограничения; можно даже сказать об обоснованном обходе запрета. С другой стороны, соответствующее решение

российского руководства способствовало стабилизации общественно-политической ситуации в государстве. В этом смысле сделанное исключение для действующего главы государства можно считать оправданным, во всяком случае, с точки зрения практического решения проблем, стоявших перед страной в конкретный исторический момент. При этом прямого отказа от ограничений в части неоднократного избрания на президентскую должность не произошло, ведь соответствующее ограничение в Конституции осталось.

Нельзя не обратить внимание на ещё одно интересное обстоятельство. Ст. 95 Конституции РФ в её изначальной редакции 1993 года предполагала формирование Совета Федерации лишь представителями каждого из каждого из субъектов. Причём срок нахождения в числе членов данного органа был ограниченным для всех. В результате же конституционной реформы ст. 95 претерпела весьма существенные изменения: в неё был внесён ряд дополнений, которые не могут не вызвать определённых вопросов. Так, ч. 2 ст. 95 вела две дополнительные категории членов Совета Федерации (сенаторов), назначаемых Президентом в количестве не более 30 человек в качестве представителей Российской Федерации. При этом Президенту допустимо не более 7 сенаторов назначить пожизненно. Более того, сам Президент, прекративший исполнение своих обязанностей в связи с истечением срока пребывания в должности или ввиду отставки, тоже приобретает статус сенатора пожизненно. Указанные положения, безусловно, существенно ограничивают действие принципа сменяемости власти, и для демократического государства подобная норма носит совершенно беспрецедентный характер.

Нельзя не обратить внимание и на ч. 1 ст. 121 Конституции РФ, согласно которой судьи тоже являются несменяемыми. Учитывая принадлежность судьи к судебной ветви власти, указанная норма свидетельствует об определённом ограничении сменяемости власти и в рамках системы правосудия.

Вместе с тем, некоторые мотивы отечественного законодателя, исходя из которых он предусмотрел пожизненное нахождение в системе власти

определённых лиц, автору вполне понятны. Более того, в некотором смысле они обоснованы в конституционных нормах. В частности, ч. 5 ст. 95 Конституции гласит, что полномочия сенаторов пожизненно могут исполняться лишь теми гражданами, которые имеют выдающиеся заслуги перед Россией в области государственной и общественной деятельности. В этом смысле указанное положение даёт определённое понимание анализируемого решения законодателя.

Несмотря на изложенные тенденции ограничения действия принципа сменяемости власти, он продолжает оставаться в числе важнейших, что выражается, в частности, в выборности власти. В связи с этим можно со всей уверенностью утверждать о том, что отечественный конституционализм по-прежнему базируется на принципе сменяемости власти. И нельзя не подчеркнуть, что под сомнение ставится больше не сам принцип сменяемости власти как таковой, как некое конституционное положение, а способность оппозиции, противостоящей действующей власти и способность конкретных субъектов, претендующих на то, чтобы сменить действующую власть, стать достойной заменой, поддерживаемой народом.

Что же касается наличия должностей, занимаемых пожизненно, то их количество не столь велико, чтобы можно было говорить о полной несменяемости власти. Во-вторых, есть и им определённое объяснение, причём базирующееся не только на особых заслугах перед отечеством. Думается, что наделение Президента РФ правом пожизненно назначить на сенаторские должности некоторых особо заслуженных лиц, а также возможность самому пожизненно занимать сенаторскую должность, исходит из соображений обеспечения преемственности власти, что тоже представляется крайне важным, особенно учитывая так называемые перевороты в отдельных странах. Венесуэле и Украине, где на смену прежней власти приходили сторонники кардинальных перемен, результатом была дестабилизация ситуации в стране, а не улучшение

положения как во внутренней, так и во внешней политике. Именно в этом понимании преемственность особенно важна.

Помимо того, допустимость некоторого ограниченного круга лиц к участию в управлении государством на пожизненной основе в определённом смысле способствует формированию некоторых традиций государственного управления, что тоже представляется важным в контексте обеспечения долгосрочного стратегического развития.

Если абстрагироваться от российских правовых реалий и обратить внимание на конституции других государств, станет очевидно, что и в них о принципе сменяемости власти, как правило, не упоминается. Несмотря на это, сама идея сменяемости власти, как правило, реализуется в том или ином виде в основных законах разных стран и практике формирования соответствующих органов власти, на что указывается в литературе [7, с. 69]. Изложенное не является случайным, ведь сменяемость власти можно считать демократической ценностью, свидетельствующей, как минимум, о немонархическом характере власти.

В литературе высказывается мнение о недооценке принципа сменяемости власти в пределах постсоветского пространства. Причём Россия в этой связи ставится в один ряд с странами Средней Азии, где указанный принцип и вовсе обесценен [7, с. 79]. Определённые основания к этому дало Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-3 [2], в котором была дана оценка конституционных изменений, затрагивающих вопросы неоднократного избрания одного и того же лица на должность главы государства. Конституционный Суд в этом обстоятельстве не усмотрел каких-либо нарушений принципа сменяемости власти.

Выводы Конституционного Суда, представленные в указанном заключении, дали С. А. Манжосову основания для утверждения об отсутствии у Конституционного Суда намерений учитывать и практически применять

указанный принцип [7, с. 79]. Думается, что это мнение не является бесосновательным.

С другой стороны, если обратиться к опыту других стран, то станет очевидно, что отечественная практика неоднократного избрания одного и того же лица на должность главы государства не является какой-то особенной, уникальной, поскольку в мире существует 5 подходов к решению вопроса сменяемости власти относительно главы государства:

1) отсутствию запрета на неоднократное избрание на президентскую должность одного и того же лица (Беларусь, Италия, Исландия);

2) отсутствие ограничений числа президентских сроков с запретом на последовательное переизбрание (Перу, Уругвай, Чили, Швейцария);

3) установление двух президентских сроков (Венгрия, Греция, Ирландия, Польша, Португалия, Румыния, Турция, США, Хорватия, Черногория);

4) установление двух последовательных президентских сроков (Австрия, Аргентина, Болгария, Бразилия, Германия, Грузия, Израиль, Казахстан, Россия, Финляндия, Франция, Чехия);

5) запрет на переизбрание на должность главы государства (Армения, Корея, Мексика) [9, с. 33].

В данном случае внимание стоит обратить, например, на Италию как страну, в которой нет каких-либо запретов на неоднократное избрание одного и того же лица на президентскую должность, также Швейцарию, где запрещено лишь последовательное переизбрание. Тем не менее, данные страны считаются одними из передовых, в том числе и в плане правового развития. В этой связи жёсткая критика России как страны, где на должность главы государства неоднократно переизбирался один и тот же человек, вряд ли может считаться состоятельной.

С другой стороны, нельзя не признать особой важности сменяемости власти, причём именно главы государства, особенно в стране, где власть его наиболее сильна, ведь именно президент играет ключевую роль в формировании

правительства, а также в определении ключевых направлений государственной политики, в том числе и правовой политики. Фактор коррупции – один из тех, которые в значительной степени зависят именно от сменяемости власти. И там, где власть остаётся на протяжении многих лет несменяемой, фактор коррупции проявляется наиболее выражено [3, 2002. С. 40; 6, с. 94].

Конечно, коррупция – это не единственный результат многолетней несменяемости власти, а лишь один из многих. Тем не менее, поддержка принципа сменяемости власти является основанием для выдвижения многих идей о совершенствовании законодательства. Например, проф. А. А. Кондрашев предлагает максимально широко подходить пониманию сменяемости власти, установив дополнительные ограничения, а именно запрет избрания на пост главы государства родственников бывшего главы государства, а также лиц, замещавших должности председателя Правительства, заместителей председателя, министров, генерального прокурора, руководителя Следственного комитета, руководителя президентской Администрации и его заместителей, а также руководителей и заместителей спецслужб [5, с. 97–98].

Взгляды, безусловно, являются обоснованными, тем не менее возникает вопрос о том, не будет ли в таком случае утерян страной опыт, если от управления отойдут лица, которые на протяжении многих лет совершенствовались в этой деятельности? «А кто даст гарантию, что он новый будет лучше? Кто даст гарантию, что страна начнет развиваться быстрее и лучше?» [4, с. 13] – задается вопрос проф. А. М. Дроздова.

Заключение

Принцип сменяемости власти, ставший одной из важнейших идей современного конституционализма и в России, и за рубежом, в разных странах реализуется по-разному. При этом основное внимание, как правило, обращают на президента и ограниченность сроков его пребывания во главе государства. Хотя, если рассматривать данный принцип широко, то проблематика сменяемости власти должна касаться также других субъектов и структур, прежде

всего, представительных органов, а в определённой степени и исполнительных, и судебных.

Рассматриваемый принцип является свидетельством немонархического государства с реализуемыми демократическими началами. Тем не менее, отдельные нюансы его реализации вызывают споры. В конечном итоге, смена власти не всегда позитивно отражается на развитии государства. В этом смысле принцип сменяемости власти важно сохранить, однако к реализации целесообразно подходить, учитывая обстановку в конкретном государстве. В этом смысле принцип сменяемости власти не должен рассматриваться по себе как ценность. Он является лишь средством реализации демократии.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 4 июл.
2. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.
3. Бондаренко С. В. Коррупцированные общества. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2002. 362 с.
4. Дроздова А. М. Сменяемость власти: сущность и необходимость // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества:

историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2020. № 20. С. 10–15.

5. Кондрашев А. А. Сменяемость власти как конституционная ценность // Российский юридический журнал. 2016. № 3(108). С. 90–99.

6. Лукьянова Е. А. Политические режимы, коррупция и конституционализм // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 1(6). С. 92–105.

7. Манжосов С. А. Теория и практика сменяемости власти: чьим традициям следует Россия? // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3(136). С. 63–81.

8. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

9. Черепанов В. А. О правовых вопросах сменяемости власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 30–44.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 4 iyul.

2. Zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshix v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii "O sovershenstvovanii regulirovaniya ot del`ny`x voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti", a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii poryadka vstupleniya v silu stat`i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii» // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2020. № 12. St. 1855.

3. Bondarenko S. V. Korrumpirovanny`e obshhestva. Rostov-na-Donu: Rostizdat, 2002. 362 s.

4. Drozdova A. M. Smenyaemost` vlasti: sushhnost` i neobxodimost` // Vestnik obshhestvennoj nauchno-issledovatel`skoj laboratorii «Vzaimodejstvie ugolovno-

ispolnitel`noj sistemy` s institutami grazhdanskogo obshhestva: istoriko-pravovy`e i teoretiko-metodologicheskie aspekty`». 2020. № 20. S. 10–15.

5. Kondrashev A. A. Smenyaemost` vlasti kak konstitucionnaya cennost` // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 3(108). S. 90–99.

6. Luk`yanova E. A. Politicheskie rezhimy`, korrupciya i konstitucionalizm // Voprosy` teoreticheskoy e`konomiki. 2020. № 1(6). S. 92–105.

7. Manzhosov S. A. Teoriya i praktika smenyaemosti vlasti: ch`im tradiciyam sleduet Rossiya? // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. 2020. № 3(136). S. 63–81.

8. Montesk`e Sh. L. O duxe zakonov. M.: My`sl`, 1999.

9. Cherepanov V. A. O pravovy`x voprosax smenyaemosti vlasti // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. S. 30–44.

Научная статья

УДК 349.2

К ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УСТАНОВЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА НАСТУПЛЕНИЯ ТРУДОСПОСОБНОСТИ

**Харрисон Карен, Ph.D., профессор права и уголовного правосудия,
Университет Линкольна, Линкольн, Англия, Великобритания,
kharrisonlawln@yandex.ru**

Аннотация

Законодательное установление минимального возраста наступления трудоспособности относится к сложнейшим проблемам современного российского трудового права. Трудовой кодекс РФ содержит некоторые противоречия, которые и определяют исследовательский интерес к данной теме. Предусматривая право гражданина на заключение трудового договора с 16 лет, законодатель тем не менее, вводит и ряд случаев, позволяющих гражданину заключать трудовой договор до достижения 16 лет, в чем видятся явные противоречия. В статье проводится обзорный анализ норм трудового законодательства, регулирующих вопросы возрастных ограничений для несовершеннолетних граждан в части заключения трудовых договоров. Отмечаются некоторые противоречия в регулировании указанных аспектов. Подчёркивается неконкретность определения понятие «трудоспособность». Автор также обращается к советскому опыту нормативного закрепления понятий общей и профессиональной трудоспособности, обосновывая при этом целесообразность первоочередной ориентации именно на общую трудоспособность в вопросе допуска несовершеннолетних лиц к трудовой деятельности. Также автор соглашается с важностью особой заботы о подрастающем поколении и сохранении определённых ограничений на допуск к труду данной категории граждан. Подводя итоги, автор предлагает конкретизировать критерии, на базе которых должна определяться

трудоспособность (вне контекста инвалидности или временной нетрудоспособности), с учетом не только формального, но и фактического аспекта готовности к выполнению трудовой деятельности.

Ключевые слова: дееспособность, субъекты трудовых отношений, наступление трудоспособности, несовершеннолетний, трудовые отношения, трудоспособность, трудоспособный возраст

Статья поступила в редакцию 29.05.2025, одобрена после рецензирования 25.07.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

ON THE PROBLEM OF THE LEGISLATIVE ESTABLISHMENT OF THE MINIMUM AGE FOR THE ONSET OF WORKING CAPACITY

Karen Harrison, Ph.D., Professor of Law and Criminal Justice, University of Lincoln, Lincoln, England, United Kingdom

Abstract

The legislative establishment of a minimum age for the onset of working capacity is one of the most complex problems of modern Russian labor law. The Labor Code of the Russian Federation contains some contradictions that determine the research interest in this topic. While providing for the right of a citizen to conclude an employment contract from the age of 16, the legislator nevertheless introduces a number of cases that allow a citizen to conclude an employment contract before the age of 16, which clearly contradicts. The article provides an overview of the norms of labor legislation governing age restrictions for minors in terms of concluding employment contracts. There are some contradictions in the regulation of these aspects. The ambiguity of the definition of the concept of "ability to work" is emphasized. The author also refers to the Soviet experience of normative consolidation of the concepts of general and professional ability to work, while justifying the expediency of

prioritizing general ability to work in the issue of admission of minors to work. The author also agrees with the importance of taking special care of the younger generation and maintaining certain restrictions on the admission of this category of citizens to work. Summing up, the author suggests specifying the criteria on the basis of which working capacity should be determined (outside the context of disability or temporary disability), taking into account not only the formal, but also the actual aspect of readiness to work.

Keywords: legal capacity, subjects of labor relations, onset of working capacity, minor, labor relations, working capacity, working age

Введение

В системе основных прав, гарантированных гражданам, особое место занимает право на труд, предусмотренное ст.ст. 7 и 37 Конституции РФ [1] и детализируемое в нормах Трудового кодекса Российской Федерации [3] (ТК РФ). Реализация указанного права и в целом, и в части отдельных составляющих связывается с наступлением у гражданина трудоспособности, обусловленной достижением определенного в законе возраста. И вопрос законодательного установления минимального возраста, по достижении которого возникает трудоспособность и появляется право вступать в трудовые отношения, заключив трудовой договор, является причиной оживлённых дискуссий. Это заставило автора обратиться к данной проблеме как к одной из актуальнейших для современной России.

Основная часть

Руководствуясь изложенным в ч. 1 ст. 63 ТК РФ общим правилом, отметим наличие права заключать трудовой договор при достижении 16 лет. Установление данной возрастной характеристики обусловлено наступлением трудоспособного возраста: именно достигнув 16 лет, гражданин признается трудоспособным [6].

Но ТК РФ в ст. 63 содержит и ряд исключительных случаев, когда трудовой договор может быть заключен и гражданином, не достигшим 16 лет. Это

означает, что вопрос установления возраста наступления трудоспособности не является однозначным даже с точки зрения законодателя.

По достижении 15 лет, в соответствии с ч. 2 ст. 63 ТК РФ, граждане вправе вступать в трудовые отношения, но лишь при условии «выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью». При этом в определенных случаях значение имеет и отсутствие ущерба для освоения образовательной программы, если гражданин, относящийся к указанной возрастной категории работников, оставил учебную организацию или был отчислен из нее.

То есть первым и главным условием отступления от общего правила, позволяющим снизить минимальный порог наступления трудоспособного возраста, является отсутствие вреда для здоровья. Данное условие особенно важно с учётом того, что во многих случаях условия труда, хотя и находятся в рамках законодательства, не обеспечивают должную безопасность. Формальным подтверждением тому является, например, ст. 14 Федерального закона «О специальной оценке условий труда» [5]. Исходя из данной нормы, условия труда могут быть: оптимальными, допустимыми, вредными и опасными. И, конечно, законодатель не может не учитывать данную специфику трудовой деятельности, что особенно важно в условиях, когда государство стремится обеспечить подрастающему поколению должную заботу, максимально благоприятные (из возможных) условия для роста, развития, образования, становления личности в целом.

Здесь важным условием здесь важным нюансом является отсутствие обязанности заручиться согласием родителей и органа опеки и попечительства. То есть уже с 15 лет законодатель предоставляет определённую свободу вступления в трудовые отношения, пусть и ограниченную. Это дает право вполне утверждать о возникновении трудоспособности, по крайней мере частичной или ограниченной, в 15 лет.

Помимо того, ч. 3 ст. 63 ТК РФ допускает заключение трудового договора с лицом, достигшим 14 лет, но лишь при наличии письменного согласия одного

из родителей (попечителя) и только для выполнения легкого труда, который не несет вреда здоровью. А если таковой работник получает общее образование, то трудовая деятельность может осуществляться исключительно в свободное от получения образования время и без ущерба для освоения образовательной программы.

Тот факт, что законодатель позволяет вступать в трудовые отношения по достижении 14 лет, пусть и требуя для этого получение согласия законных представителей, тоже свидетельствует о наличии определённой трудоспособности в столь раннем возрасте, хотя такая трудоспособность проявляется в меньшей мере, в сравнении с трудоспособностью лиц, достигших 15 или 16 лет. И очевидно, что ключевым условием формального возникновения трудоспособности в 14 лет является согласие родителей или попечителя.

Ч. 5 ст. 63 ТК РФ применительно к работе в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках допускает заключение трудового договора также с гражданами, которые 14 лет не достигли, если работа состоит в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений и не влечёт ущерба здоровью и нравственному развитию. В этом случае трудовой договор уполномочен подписывать родитель либо опекун несовершеннолетнего работника. Более того, обязательным условием является получение разрешения органа опеки и попечительства, который при этом уполномочен определять максимально допустимую продолжительность ежедневной работы, а также прочие условия трудовой деятельности.

Рассмотренная норма свидетельствует о возможности возникновения ещё более ограниченной трудоспособности в более раннем возрасте. И тот факт, что сам работник, де-юре заключающий трудовой договор, не вправе его подписывать, вызывает некоторые вопросы, в частности, вопрос об уместности рассмотрения его как полноправного субъекта трудовых отношений. Тем не менее, сам факт признания возможности выполнять определённые трудовые обязанности означает, что и до достижения 14 лет гражданин может быть де-

факто трудоспособным, по крайней мере, частично, с весьма существенными ограничениями.

Сказанное означает, что понятия «трудоспособность» и «трудоспособный гражданин», в том числе и в возрастном аспекте, в российском законодательстве урегулированы весьма противоречиво, а противоречия обуславливаются во многом наличием некоторых дополнительных условий заключения трудового договора применительно к лицам, не достигшим возраста 16 лет.

Другая причина противоречий видится в несовпадении формально установленных возрастных критериев наступления трудоспособности и дееспособности. Последняя определяется достижением гражданином совершеннолетия (18 лет) в соответствии с ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

То есть наступление трудоспособности прямо нельзя соотнести с наступлением совершеннолетия, во всяком случае, формально. Хотя, если учесть наличие немалозначимых ограничений и специфики регулирования труда лиц, достигших 16 лет, но не достигших 18 лет, то можно усмотреть определённую обусловленность трудоспособности и совершеннолетия, хотя эта обусловленность не является столь очевидной.

В полной мере дееспособным гражданин становится именно с 18 лет, в то время как трудоспособным де-юре он становится в полной мере с 16 лет. Но до достижения 18 лет законодатель по-прежнему обеспечивает дополнительные гарантии, отражающие особую заботу о безопасности труда таких лиц (гл. 42 ТК РФ). При наступлении же 18 лет на гражданина дополнительные гарантии уже не распространяются. Это даёт возможность поставить под сомнение возникновение полной трудоспособности в 16 лет. Думается, что она наступает именно с достижением совершеннолетия.

Если абстрагироваться от норм ТК РФ и других законодательных и подзаконных нормативных актов, задавшись вопросом о том, на основании чего законодатель установил соответствующие возрастные критерии

трудоспособности, то вряд ли получится на него ответить точно. Здесь уместно подчеркнуть и неоднозначность определений трудоспособности, представленных в законодательстве и литературе, на что указывают, к примеру, Е. Ю. Белогрудов и А. Е. Панов [9, с. 47].

Интересно, что и в некоторых официальных документах, где вопросы трудоспособности рассматриваются достаточно детально, не отражены именно конкретные критерии, исходя из которых решается вопрос о признании лица трудоспособным (вне контекста установления инвалидности и оценки временной нетрудоспособности). Например, в Письме Минтруда России от 30.05.2024 № 14-6/10/В-8769 [7] имеется раздел, посвященный правовым основаниям заключения трудового договора с несовершеннолетними. И в данном разделе упомянуты лишь положения, исходя из которых дозволено вступать в трудовые отношения по достижении определенного возраста. Однако там не говорится о том, исходя из каких критериев определяется трудоспособность в отношении лиц до 18 лет.

В результате изучения федерального законодательства удалось найти лишь один случай уточнения понятия трудоспособности, где она понимается как способность работника осуществлять трудовую деятельность [4]. Однако какой-либо детализации в указанном случае нет. Более того, становится не вполне понятно, какая именно трудоспособность подразумевается законодателем и в конкретном случае, и в целом при упоминании соответствующего понятия.

И здесь нельзя не обратить внимание на то, что в СССР с 1961 г. были сформулированы некоторые представления о трудоспособности, причём зафиксированные нормативно: во-первых, была выделена профессиональная трудоспособность, трактуемая как способность к труду по своей профессии, во-вторых, выделена общая трудоспособность, определенная как способность человека к осуществлению неквалифицированного труда [8]. И несмотря на то, что документ, в котором были представлены данные определения, ныне утратил свою юридическую силу, сами определения с точки зрения научного осмысления представляют интерес.

Учитывая сказанное, считаем важным в части правового регулирования труда несовершеннолетних в целом, и в том числе в вопросах определения возраста наступления трудоспособности, понимать под трудоспособностью именно способность к осуществлению неквалифицированного труда, то есть любой работы, которая не требует специальных знаний, навыков, специальной подготовки, профессионального образования. И именно такой подход даёт возможность усматривать появление трудоспособности в максимально раннем возрасте, в том числе и до достижения гражданином 14 лет.

Однако законодатель, в том числе и в целях исключения чрезмерно раннего привлечения несовершеннолетних граждан к труду, что может негативно отразиться на их образовательной деятельности, развитии и здоровье, не спешит вводить какие-либо правила, которые бы позволяли снизить шестнадцатилетний возраст наступления трудоспособности.

В науке на вопрос определения трудоспособности взгляды более широкие. В их рамках сформировались два получивших значительную популярность подхода. В рамках одного за основу принимаются медицинские критерии, в соответствии с которыми оценивается пригодность человека к труду. В этом случае главное внимание обращается именно на отсутствие риска для самого человека при осуществлении трудовой деятельности. Иными словами, если он может осуществлять трудовую деятельность и этот труд не влечёт для него существенного риска, то признается наличие трудоспособности. Второй подход базируется на целой системе разнородных критериев, которые сгруппированы по 4 уровням и предполагают: во-первых, оценку функциональных характеристик человека (здоровье, физические, умственные характеристики); во-вторых, приобретённые знания, умения, навыки, опыт; в-третьих, мотивация; в-четвертых, рабочая среда [10, с. 20–21].

Конечно, совмещение обеих концепций даёт более комплексное представление о трудоспособности. Однако если говорить о формальном

аспекте, то российский законодатель ориентируется прежде всего на медицинский критерий.

Учитывая очевидное стремление российского законодателя максимально ограничить труд несовершеннолетних, становится понятно и то, что при установлении трудоспособности он берет за основу показатели физиологические (функциональные) и интеллектуальные показатели развития человека как личности. Иными словами, во внимание берётся функциональный аспект состояния человеческого организма, в том числе состояние сердечно-сосудистой, дыхательной, костно-мышечной систем, а также центральной нервной системы [10, с. 22]. А это состояние, очевидно, обусловлено, в том числе и достижением определённого возраста, прежде всего, 16 лет. Конечно, достижение указанного возраста характеризует соответствие человека определённым характеристикам, важным для трудовой деятельности, но лишь условно.

Поэтому возникновение трудоспособности отражают два аспекта: фактический и юридический: фактический означает наличие возможности выполнять ту или иную трудовую деятельность вне зависимости от. Каких-либо формальных ограничений что же касается юридического аспекта, то он отражает наличие соответствующего права стать субъектом трудовых отношений. И тот факт, что при недостижении, например, 16 лет гражданин не признается трудоспособным де-юре, не означает, что фактически он не способен выполнять какую-либо работу.

Заключение

В действующем законодательстве фактический аспект трудоспособности никак не отражён, а присутствует лишь сугубо формальный аспект, на основе которого принято наступление трудоспособности связывать достижением шестнадцатилетия. Такой подход законодателя продиктован стремлением обеспечить в первую очередь условия для личностного развития и получения образования, но никак не фактической неспособностью несовершеннолетних

граждан выполнять какую-либо работу. В связи с этим считаем нужным вопрос установления минимального возраста наступления трудоспособности в нормах трудового законодательства урегулировать на основе определённых критериев, учитывающих в первую очередь фактическую готовность гражданина к труду, а не формальный аспект трудоспособности, выражаемый фактом достижения возраста 16 лет.

Представленный вывод базируется в том числе на наличие противоречий между формально установленным шестнадцатилетним возрастом возникновения права на заключение трудового договора и возможностью заключения трудового договора в более раннем возрасте, а также появлением фактической трудоспособности до достижения 16 лет.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О специальной оценке условий труда» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства РФ от 26.06.2021 № 1022 (ред. от 15.12.2022) «Об утверждении Правил установления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим

группам населения в субъектах Российской Федерации на очередной год» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

7. Письмо Минтруда России от 30.05.2024 № 14-6/10/В-8769 // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

8. Постановление Госкомтруда СССР от 22.12.1961 № 483/25 «Об утверждении правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой» // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1962. № 1. Ст. 3. – утратило силу.

9. Белогрудов Е. Ю., Панов А. Е. Об особенностях определения общей и профессиональной трудоспособности в судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья // Главный врач Юга России. 2008. № 1 (13). С. 46–47.

10. Разуванов А. И., Дзержинская Н. А., Пацко А. И. Трудоспособность лиц с инвалидностью: место работоспособности в интегративной оценке // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2024. Т. 23, № 3. С. 18–27.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».

3. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 08.08.2024) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».

4. Federal`ny`j zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob osnovax oxrany` zdorov`ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».

5. Federal'nyj zakon ot 28.12.2013 № 426-FZ (red. ot 24.07.2023) «O special'noj ocenke uslovij truda» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.06.2021 № 1022 (red. ot 15.12.2022) «Ob utverzhdenii Pravil ustanovleniya velichiny` prozhitochnogo minimuma na dushu naseleniya i po osnovny`m social'no-demograficheskim gruppam naseleniya v sub`ektax Rossijskoj Federacii na ocherednoj god» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
7. Pis'mo Mintruda Rossii ot 30.05.2024 № 14-6/10/V-8769 // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
8. Postanovlenie Goskomtruda SSSR ot 22.12.1961 № 483/25 «Ob utverzhdenii pravil vozmeshheniya predpriyatiyami, uchrezhdeniyami, organizaciyami ushherba, prichinennogo rabochim i sluzhashhim uvech'em libo iny`m povrezhdeniem zdorov`ya, svyazanny`m s ix rabotoj» // Byulleten` Goskomtruda SSSR. 1962.№ 1. St. 3. – utratilo silu.
9. Belogradov E. Yu., Panov A. E. Ob osobennostyax opredeleniya obshhej i professional'noj trudosposobnosti v sudebnoj praktike po delam o vozmeshhenii vreda, prichinennogo povrezhdeniem zdorov`ya // Glavnyj vrach Yuga Rossii. 2008. № 1 (13). S. 46–47.
10. Razuvanov A. I., Dzerzhinskaya N. A., Paczko A. I. Trudosposobnost` licz s invalidnost`yu: mesto rabotosposobnosti v integrativnoj ocenke // Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta. 2024. T. 23, № 3. S. 18–27.

Научная статья

УДК 342

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Соццо Максимо, Ph.D., профессор социологии, права и криминологии,
Национальный университет Литоралья, Санта-Фе, Аргентина,
msozarg_sf@mail.ru**

Аннотация

В статье исследуется проблема преемственности в аспекте конституционно-правового развития современной России. В ходе анализа рассмотрено понятие «преемственность» в конституционно-правовом, историческом, философском, культурном контексте; отражено содержание преемственности и сделан вывод о её комплексном характере. Основная проблематика рассматривается на примере Конституции РФ 1993 г. Особо детально анализируется ст. 67.1, введённая в результате реформы 2020 г. и закрепившая принцип преемственности развития, что автор расценивает как закономерный результат. В статье также обосновывается особая важность отдельных конституционных положений, раскрывающих содержание преемственности, в том числе положения об нормы о правопреемстве России по отношению к СССР, которое оценивается как важное условие сохранения статуса России на международной арене как одного из главных участников ООН и ядерной державы, в том числе ввиду упоминания в Уставе ООН именно Советского Союза, а не Российской Федерации. Обосновывается недопустимость отказа от принципа преемственности. Делается вывод о недопустимости использования нормы о статусе России как правопродолжателе Советского Союза, для перехода к социалистическому пути развития экономики.

Ключевые слова: исторические традиции, конституционная реформа, конституционно-правовое развитие, Конституция РФ, Конституция СССР 1936 г., Конституция СССР 1977 г., принцип преемственности, правовая эволюция

Статья поступила в редакцию 17.06.2025, одобрена после рецензирования 20.08.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

CONTINUITY AS A PRINCIPLE OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maximo Sozzo, Ph.D., Professor of Sociology, Law and Criminology, National University of the Littoral, Santa Fe, Argentina

Abstract

The article examines the problem of continuity in the aspect of the constitutional and legal development of modern Russia. In the course of the analysis, the concept of "continuity" is considered in the constitutional, legal, historical, philosophical, and cultural context; the content of continuity is reflected and a conclusion is made about its complex nature. The main problem is considered on the example of the Constitution of the Russian Federation of 1993. Article 67.1, introduced as a result of the 2020 reform and consolidating the principle of continuity of development, is analyzed in particular detail, which the author regards as a natural result. The article also substantiates the special importance of certain constitutional provisions that reveal the content of continuity, including provisions on the rule of succession of Russia in relation to the USSR, which is assessed as an important condition for preserving Russia's status in the international arena as one of the main participants in the United Nations and a nuclear power, including due to the mention of the Soviet Union in the UN Charter., not the Russian Federation. The inadmissibility of abandoning the principle of succession is substantiated. The conclusion is made about the inadmissibility of using the norm on the status of Russia as the legal successor of the Soviet Union for the transition to the socialist path of economic development.

Keywords: historical traditions, constitutional reform, constitutional and legal development, Constitution of the Russian Federation, Constitution of the USSR of 1936, Constitution of the USSR of 1977, principle of continuity, legal evolution

Введение

Развитие Российской Федерации во многих сферах и, прежде всего, в правовой сфере, идет в соответствии с принципом преемственности, роль которого даже если и не является ведущей, но, тем не менее, остается весьма значимой. Поэтому указанный принцип, как одна из основ конституционно-правового развития современной России, заслуживает особого внимания, которого, однако, удостоивается нечасто. В научных исследованиях принцип преемственности в контексте конституционно-правового развития, как правило, фактически остается второстепенным.

Недостаточное внимание к вопросам, связанным с реализацией указанного принципа, не означает, что данная сфера общественных отношений менее проблемная, чем другие, пользующиеся популярностью у ученых. Здесь присутствует масса сложных вопросов, которые играют далеко не последнюю роль для конституционно-правового развития России. К ним могут быть отнесены, например, вопросы трактовки преемственности, соотношения данного принципа и иными идеями, обеспечивающими правовой прогресс Российского государства и общества. Поэтому указанные аспекты предполагается исследовать в настоящей статье.

Основная часть

Преемственность оценивается как одна из важнейших составляющих конституционного права [7, с. 31]. Однако в нормах конституционного законодательства, а именно Конституции РФ [1], понятие и содержание преемственности не раскрывается. Поэтому каждый из учёных, обращающийся к данной теме, имеет все возможности для свободной трактовки преемственности.

Т. И. Ряховская, указывая на наличие с различных позиций, с которых преемственность рассматривается, обобщенно трактует ее в контексте теории как повторение и воспроизведение правом государства положений прошлых лет этого же государства или этой же правовой системы [7, с. 34]. И, конечно, в данном определении лишь абстрактно раскрыта суть преемственности, а более точные трактовка этого понятия вряд ли возможны, учитывая многообразие вариантов реализации преемственности в практике государственного управления и развития права.

Реализовываться принцип преемственности в практике государственного управления и правового развития может совершенно по-разному, в том числе через сохранение связей в существующего порядка, закрепленного действующей конституции:

- с предшествующей доктриной и практикой конституционного регулирования («конституционная реставрация»);
- с формой закрепления конституционных норм;
- с принципами конституционного устройства;
- в смысловом наполнении конституционных положений;
- в международных обязательствах [7, с. 34].

Конечно, возможны и другие формы реализации преемственности, но независимо от них главным сущностным выражением преемственности, как полагает Т. И. Ряховская, является сохранение традиционности [7, с. 41]. То есть традиционность сохраняется посредством реализации принципа преемственности. С другой стороны, преемственность реализуется через сохранение традиций. И тут усматривается обоюдная взаимосвязь, взаимообусловленность.

В таком взгляде на преемственность очевидна конкретная политико-правовая составляющая, и исходя из такого понимания преемственности действуют, в том числе, современные российские власти. Наличие же

перечисленных выше компонентов преемственности усматривается во многих нормах действующей Конституции.

И. М. Чудинова раскрывает сущность преемственности через ее содержание, включающее в себя сохранение, передачу и развитие социального опыта, материальные и духовные достижения, в которых зафиксирован такой опыт, а также накопленные способы и формы общения людей как особого вида деятельности [9]. В этом подходе очевиден широкий взгляд на феномен преемственности. И в этом смысле данное определение является более абстрактным, в сравнении с приведённой выше трактовкой. Здесь прослеживается наличие философской, социальной, культурной составляющих. При этом не подчёркивается ведущая роль правового аспекта, хотя таковой, как мы считаем, является главным, хотя бы потому, что фиксируется, как правило, в конституции и определяет конституционно-правовое развитие страны, являющееся основной для прогресса всех иных сфер жизни общества и государства.

И.М. Чудинова подчёркивает возможность реализации преемственности через передачу власти одному человеку, через утвердившийся статус политической элиты, через реализацию политического курса [9].

Конечно, все перечисленные составляющие связаны друг с другом, и зачастую их трудно разграничить по очевидным причинам. Например, одна и та же политическая элита, как правило, стремится проводить одинаковый политический курс, даже если такая элита отчасти обновилась. Человек, которому передана власть от прежнего лидера, очевидно, будет придерживаться во многом аналогичного курса, даже если предпримет какие-либо меры преобразовательной направленности.

То есть сущность преемственности в конституционно-правовом развитии уточнена в теоретическом смысле. В практике же конституционно-правового развития она проявляется по-разному, поэтому важно рассмотреть пример России, для которой преемственность заложена в Основном Законе страны –

Конституции РФ. Уже в преамбуле данного правового акта упоминается о сохранении исторически сложившегося государственного единства, уважении памяти предков, а также об ответственности перед нынешним и будущим поколениями. Таким образом, авторы Конституции подчеркнули особую роль преемственности государственно-правового развития, а также отразили заботу о том, чтобы указанный принцип был сохранён и для будущих поколений, как некоторое связующее звено между прошлым и настоящим, настоящим и будущим.

Конечно, анализируемые идеи преемственности лишь на первый взгляд кажутся декларативными. И было бы ошибкой считать их таковыми в действительности. Значение указанных идей не является сугубо формальным, так ряд конституционных норм абсолютно однозначно отражает сохранение и реализацию принципа преемственности.

Во-первых, в ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ провозглашён статус Российской Федерации как правопреемника (правопродолжателя) СССР в пределах своей территории. Данная норма является главным подтверждением реальности реализации принципа преемственности в российской правовой политике. Особая роль правопреемства здесь выражается, прежде всего, в том, что достижения, полученные нашим государством в советский период, являются безоговорочным наследием современной России. И указанный аспект правопреемства носит основополагающий характер не только для реализации российской политики внутри страны, но и для участия в международных отношениях. Несомненным подтверждением последнего является Устав ООН [2], который закрепляет в числе участников данной Организации именно СССР, а не Российскую Федерацию. По этой причине правопреемстве России по отношению к СССР жизненно важно, так как означает, что Россия, как законный правопродолжатель Союза ССР, реализует все права и обязанности последнего в рамках участия в указанной Организации

Особо значимым для России элементом правопреемства является статус ядерной державы, который унаследован именно СССР. Это обстоятельство означает, что основополагающий характер принципа преемственности не может быть и не должен ставиться под сомнение ни в каком контексте.

В ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ идеи преемственности в развитии Российского государства отражены более широко, но не с точки зрения юриспруденции, а с позиции истории, культуры и религии, что выражается в признании значимости тысячелетней истории, вере в Бога и прямом упоминании преемственности. То есть рассматриваемый принцип реализуется не только в сугубо формальном ключе, но и в историко-культурном и религиозном аспекте.

Упоминание веры в Бога, однако, не означает, что светский характер Российского государства ставится под сомнение. Думается, что авторы поправок стремились лишь создать основу для признания всех традиционных для России религиозных конфессий, а не условия для сакрализации власти или для внедрения в государственное управление религиозных институтов. Поэтому упоминание Бога, как нам представляется, здесь является лишь своеобразной данью культурно-историческим традициям.

Особой составляющей преемственности в развитии является уважение и охрана памяти защитников Отечества, о чем говорится в ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ. Во взаимосвязи с ч.ч. 1 и 2 ст. 67.1 это означает, в частности, что в контексте преемственности в России чтят память не только тех, кто защищал Российское государство в современную эпоху, то есть после распада СССР, но и защитников Советского государства, также защитников предшествовавших ему Российской Империи, Московского государства, Древнерусского государства.

Однако очевидно, что уважение памяти предков и, в том числе, защитников Отечества прошлых эпох не может и не должно расцениваться как стремление к сохранению безусловно всех идей, которые в те или иные эпохи формировали отечественную государственность и право. Иными словами, уважение памяти

защитников, например, Российской Империи, не означает стремление к сохранению монархических традиций в их исконном виде.

В определённой степени важность сохранения преемственности отмечена и в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ, где говорится, в частности, об уважении к старшим, а также о воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма.

Рассмотренная статья была включена в состав Конституции РФ в 2020 г., что означало, безусловно, значимую трансформацию российской конституционно-правовой политики в последние годы. Конечно, отсутствие указанных норм в прежние годы не означало отрицание особой роли преемственности. Но, тем не менее, государство уделяло реализации данного принципа необоснованно мало внимания. Сейчас же этот недостаток конституционного законодательства можно считать устранённым, что должно расцениваться сугубо положительно.

На обеспечение преемственности конституционно-правового развития нацелены и некоторые другие нормы Основного Закона. Так, в п. «в» ч. 1 ст. 114 в числе полномочий Правительство РФ перечисляется проведение политики в области «сохранения традиционных семейных ценностей», что в современном мире, где такие ценности ставятся под угрозу, становится особенно важным.

В ч. 1 ст. 131 Конституции РФ подчёркивается учёт исторических и иных местных традиций применительно к организации местного самоуправления и определению территории муниципальных образований. Это тоже можно считать важной составляющей принципа преемственности.

Принцип преемственности в конституционно-правовом развитии получил неоспоримое научное обоснование, несмотря на то, что в отдельности он рассматривается крайне редко. Например, А. В. Губайдуллин описывает процессы преемственности как фактор, обуславливающий изменения и совершенствование самых различных правовых явлений и процессов [5, с. 5]. С этим тезисом трудно не согласиться, ведь даже кардинальные преобразования в каком-либо аспекте правовых отношений, основанные на изменении

законодательства, происходят, в том числе, под влиянием уже имеющихся достижений и правового наследия.

Достаточно убедительный пример приводит А. В. Александрова, ссылающаяся на Конституцию СССР 1936 г., которая в своё время стала основой социального прогресса общества и государства в части обеспечения социальных гарантий населению. Права социального характера, которые указанная Конституция обеспечила советским гражданам, в дальнейшем хотя и трансформировались, но в целом сохраняли свой характер. Причём и многие зарубежные страны их заимствовали, обеспечивая последующее конституционное развитие на этой основе [4].

Сегодня социальные права и свободы человека, декларируемые в нормах Конституции РФ, можно считать в том числе и результатом заимствования достижений советского правового, социально-экономического и политического развития. И в этой связи предусмотренные российской Конституцией социальные права и свободы являются определённым проявлением преемственности по отношению к советскому праву, несмотря на наличие принципиальных противоречий между современными и советскими представлениями о праве и демократии. То есть современные капиталистические основы российской государственности и права не помешали, следуя принципу преемственности, заимствовать определённые социальные идеи у идеологически отличного Советского государства, которое существовало на социалистических (антибуржуазных) принципах.

Важно, как мы считаем, не сводить принцип преемственности к реализации какого-либо одного аспекта развития государства и права в духе традиций, так как преемственность – комплексное понятие. Подобного мнения придерживаются, например, А. Н. Морозов и А. А. Каширкина, выделяющие в ней формально-юридическую, историческую и духовную составляющие [6, с. 123].

Преемственность конституционно-правового развития в современной российской истории особенно отчётливо проявилась при переходе России к самостоятельному развитию после распада СССР, а также при реализации конституционной реформы 2020 г. Так, при переходе России от советского строя к современному преемственность была обеспечена принятой в 1993 г. При ее сравнении с Конституцией СССР 1977 г. [3], несмотря на наличие принципиальных различий, в том числе идеологических (Советское государство строилось на социалистической основе, а современная Россия – на капиталистической), ясно прослеживаются значимые сходства: во многом идентична структура обеих конституций, формулировки их норм, система власти, разделенная на три ветви, набор конституционных прав и обязанностей. Особо важно подчеркнуть сохранение в современной России прежнего федеративного устройства, а также деления страны на области, края, республики и пр.

Однако выделенные сходства не означают, что современный порядок полностью идентичен советскому, в том числе по перечисленным параметрам. Так, многие права и обязанности в современной России кардинально пересмотрены, особенно в части регулирования права собственности и права на занятие предпринимательской деятельностью. Система власти, хотя по-прежнему разделена на три ветви, но уже существенно отличается от прежней: в настоящее время самостоятельность каждой из ветвей весьма существенна, чего нельзя сказать о советском конституционном строе.

Относительно реформы 2020 г., в результате которой Конституция РФ была дополнена рядом норм, в том числе положениями, закрепляющими статус России как правопродолжателя СССР, а также принцип преемственности как основу государственной политики и правового развития, можно сказать, что она была закономерной. Причем, как пишет Т. Я. Хабриева, указанная реформа не прервала и не нарушила конституционной стабильности, не повлекла демонтажа правовой системы, а обеспечила правовую эволюцию [8, с. 7].

Признавая особую роль рассматриваемого принципа, согласимся с И. М. Чудиновой, что при отсутствии преемственности теряются достижения прежних лет, что может повлечь торможение поступательного развития. И именно этим отказ от преемственности опасен. С другой стороны, преувеличение роли преемственности тоже чревато негативным эффектом, а именно консервацией процесса модернизации [9].

Заключение

Преемственность является неотъемлемым принципом конституционно-правового развития современной России, что совершенно закономерно, причём как с точки зрения сохранения духовно-нравственного и культурного наследия, так и с точки зрения поддержания статуса России на международной арене как одного из ключевых участников ООН и ядерной державы, поскольку Россия – законный правопродолжатель Советского Союза. Это означает недопустимость отказа от принципа преемственности ни под каким предлогом.

Принцип преемственности, однако, не должен создавать препятствий для модернизации страны в правовом, экономическом и любом ином развитии, а значит необходимо придерживаться определённого баланса: сохраняя преемственность, не препятствовать прогрессу.

Нормы, внесённые в Конституцию РФ в результате реформы 2020 г., следует расценивать как обоснованные, потребность в которых уже давно назрела. В этой связи статус России как правопродолжателя СССР, не должен расцениваться в качестве юридической основы для перехода к социалистическому пути развития экономики. Обеспечение права собственности и права на ведение предпринимательской деятельности должно рассматриваться не в контексте противоречий с советскими идеалами, которые в определённой степени оцениваются положительно, а как результат определённой правовой эволюции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Конституция (Основной Закон) Союз Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 619. – прекратила действие.
4. Александрова А. В. Социальные права как элемент преемственности в Российском конституционном праве // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 2(22). С. 11–20.
5. Губайдуллин А. Р. Преемственность в правореализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань 2006. 28 с.
6. Морозов А. Н., Каширкина А. А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 1. С. 120–141.
7. Ряховская Т. И. Преемственность в конституционном праве в контексте конституционной самобытности // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 2. С. 30–44.
8. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 6–12.
9. Чудинова И. М. «Преемственность власти» // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 46–53.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
2. Ustav Organizacii Ob``edinenny`x Nacij (Prinyat v g. San-Francisko 26.06.1945) (s izm. i dop. ot 20.12.1971) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
3. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuz Sovetskix Socialisticheskix Respublik (prinyata na vneocherednoj sed`moj sessii Verxovnogo Soveta SSSR devyatogo sozy`va 07.10.1977) // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1977. № 41. St. 619. – prekratila dejstvie.
4. Aleksandrova A. V. Social`ny`e prava kak e`lement preemstvennosti v Rossijskom konstitucionnom prave // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2018. T. 6, № 2(22). S. 11–20.
5. Gubajdullin A. R. Preemstvennost` v pravorealizacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan` 2006. 28 s.
6. Morozov A. N., Kashirkina A. A. Konstitucionny`e preobrazovaniya v Rossijskoj Federacii i vzaimodejstvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava: preemstvennost` i novizna // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26, № 1. S. 120–141.
7. Ryaxovskaya T. I. Preemstvennost` v konstitucionnom prave v kontekste konstitucionnoj samoby`tnosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25, № 2. S. 30–44.
8. Xabrieva T. Ya. Konstitucionnaya reforma v Rossii v koordinatax universal`nogo i nacional`nogo // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2021. T. 17, № 1. S. 6–12.
9. Chudinova I. M. «Preemstvennost` vlasti» // Social`no-gumanitarny`e znaniya. 2010. №. 6. S. 46–53.

Научная статья

УДК 342.7:349.6

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

**Рохов Диего, Ph.D., Калифорнийский университет, Ирвайн, Калифорния,
США, rochovd_cal89@outlook.com**

Аннотация

В статье рассматривается право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, закреплённое в ст. 42 Конституции РФ. В процессе изучения вопроса подчёркивается взаимосвязь данного права с другими экологическими правами, а также с гарантиями свободы информации, на основании чего делается вывод о двойственном характере рассматриваемого права (сочетание экологической и информационной составляющих). Затрагивается терминологический вопрос, а именно содержание понятий «экологическая информация» и «окружающая среда» в рамках Закона об охране окружающей среды. Исходя из этого отмечается неконкретизированность анализируемого права. Ключевой проблемой законодательного определения содержания права на экологическую информацию автор считает отсутствие чётких требований к новизне публикуемой экологической информации, в результате чего многие данные о состоянии окружающей среды публикуются спустя продолжительное время, с запозданием вплоть до двух лет. Обращается внимание на нефункциональность интерактивной карты, что означает фактическое её отсутствие. Предлагается законодательно уточнить конституционное право на достоверную экологическую информацию не только с точки зрения перечня информации, но и с точки зрения её характеристик, в том числе новизны.

Ключевые слова: загрязнение окружающей среды, информация о состоянии окружающей среды, конституционные права, Конституция РФ, права человека, право на информацию об окружающей среде, экологическое право

Статья поступила в редакцию 03.06.2025, одобрена после рецензирования 05.08.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

THE CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO RELIABLE INFORMATION ABOUT THE STATE OF THE ENVIRONMENT

Diego Rochow, Ph.D., University of California, Irvine, California, USA

Abstract

The article examines the right to reliable information about the state of the environment, enshrined in Article 42 of the Constitution of the Russian Federation. In the process of studying the issue, the interrelation of this right with other environmental rights, as well as with guarantees of freedom of information, is emphasized, on the basis of which a conclusion is drawn about the dual nature of the right under consideration (a combination of environmental and informational components). The author touches upon a terminological issue, namely the content of the concepts of "environmental information" and "environment" within the framework of the Law on Environmental Protection. Based on this, the lack of concretization of the analyzed law is noted. The author considers the key problem of the legislative definition of the content of the right to environmental information to be the lack of clear requirements for the novelty of published environmental information, as a result of which many environmental data are published after a long time, with a delay of up to two years. Attention is drawn to the non-functionality of the interactive map, which means that it actually does not exist. It is proposed to legislatively clarify the constitutional right to reliable environmental information not only in terms of the list of information, but also in terms of its characteristics, including novelty.

Keywords: environmental pollution, information about the state of the environment, constitutional rights, the Constitution of the Russian Federation, human rights, the right to information about the environment, environmental law

Введение

Окружающая среда – это, во многом, определяющий фактор благополучия жизни человека. И в целом как общество, так и государство, являющееся результатом развития последнего, зависят от состояния окружающей среды (природы), которая в условиях научно-технического прогресса и довольно динамичного развития промышленности оказывается не в лучшем состоянии, поскольку загрязняется и подвергается иным негативным воздействиям. Из этого следует значимость вопроса обеспечения экологического благополучия и информационной составляющей как одного из условий такого благополучия. Поэтому право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды закономерно получило закрепление в системе конституционных прав (прав человека). В свою очередь, конституционный статус указанного прав опосредует актуальность выбранные темы.

Основная часть

В ст. 42 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ) одновременно закреплено право каждого на:

- 1) благоприятную окружающую среду;
- 2) достоверную информацию о состоянии окружающей среды;
- 3) возмещение ущерба, которые нанесен здоровью или имуществу в результате экологического правонарушения.

Перечисленные права, учитывая их комплексное закрепление в одной статье, можно рассматривать как систему или, по крайней мере, совокупность экологических прав граждан и как важную составляющую экологического законодательства, экологического права как отрасли. Право же на информацию о состоянии окружающей среды может рассматриваться как в качестве относительно самостоятельного в системе других экологических прав, так и в качестве единого комплексного права на благоприятную окружающую среду.

Авторы Конституции РФ не уточнили деталей ни права на информацию о состоянии окружающей среды, ни содержания других экологических право. В то

же время конституционные нормы вполне явно отражают тесную взаимосвязь рассматриваемого права с другими конституционными правами, на что тоже целесообразно обратить внимание. Например, ст. 29 Конституции РФ гарантирует каждому право «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом...» (ч. 4), также свободу массовой информации и устанавливает запрет цензуры (ч. 5). Указанные права и гарантии в определённой степени способствуют реализации конституционного права на информацию о состоянии окружающей среды. Вместе рассматриваемое право на информацию о состоянии окружающей среды и правовые гарантии свободы, зафиксированные в ст. 29, можно считать важнейшими элементами информационных прав граждан. То есть рассматриваемое право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды – это одновременно и экологическое право, и информационное; в чем выражается его двойственность. При этом экологический характер рассматриваемого права представляется более значимым, чем информационный.

Рассмотренные нормы Конституции РФ свидетельствуют о чрезвычайно размытом и абстрактном закреплении как экологических прав в целом, так и права на информацию о состоянии окружающей среды. Регламентируя указанное право, авторы Основного Закона страны не уточнили, какая именно информация охватывается указанным правом, делегировав, таким образом, решение указанной задачи разработчикам экологического законодательства. К нему и обратимся.

Ключевым источником здесь можно считать Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» [2] (далее – Закон об охране окружающей среды), в ст. 1 которого представлены определения ключевых понятий, в том числе, информации о состоянии окружающей среды (экологической информации), окружающей среды, ее

составляющих и пр. В деталях рассматривать все определения в данном случае нет необходимости, однако на отдельные аспекты внимание обратить стоит.

Прежде всего, подчеркнем, что экологическая информация указанной норме трактуется с учетом двух аспектов:

- 1) содержательного;
- 2) временного.

С точки зрения содержания указанная информация включает в себя следующие сведения об окружающей среде:

- 1) о ее состоянии;
- 2) о ее загрязнении;
- 4) о происходящих в ней процессах и явлениях;
- 5) о воздействии на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности;
- 6) о природоохранных мероприятиях.

Временной аспект экологической информации предполагает включение в нее данных:

- 1) ретроспективных;
- 2) текущих;
- 3) перспективных (прогнозируемых и (или) планируемых).

Примечательно, что в определении понятия «экологическая информация» не уточняется круг элементов окружающей среды. Но он конкретизируется в рамках отдельного определения и охватывает «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов». В этой связи весьма спорным остаётся вопрос о том, какие же именно антропогенные объекты надлежит учитывать в целях оценки состояния окружающей среды? Рассматриваемый закон не даёт ответа на данный вопрос. В то же время такие объекты однозначно включаются в состав окружающей среды, а значит, и в состав информации об окружающей среде, право на доступ к которой имеет каждый, согласно Конституции РФ.

В контексте рассматриваемой нормы важно подчеркнуть, что понятие экологической информации выходит далеко за рамки сведений о природной среде, и думается, что такой взгляд законодателя обоснован, так как, например, антропогенные объекты зачастую, находятся в неразрывной связи и взаимозависимости с природными объектами. В частности, состояние атмосферного воздуха может быть значимой характеристикой, отражающей состояние антропогенного объекта, например, жилого дома. С учётом изложенного вопрос о том, что же надлежит включать в экологическую информацию, право на которую имеет каждый, согласно Конституции РФ, становится ещё более сложным.

На неконкретизированность характеристик экологической информации указывается и в литературе. Например, Е. Н. Близнова подчёркивает, что рассматриваемое право законодательно не конкретизировано с позиции его содержания, а это делает невозможным практическую реализацию данного права [4, с. 241]. С данным мнением отчасти можно согласиться. Но в то же время нельзя сказать, что данное право в России не реализуется.

Если выйти за рамки Конституции РФ и указанного Закона, обратить внимание на то, что экологическое законодательство включает в себя также широкий круг других федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, предусматривающих открытость многих данных относительно тех или иных элементов окружающей среды, то можно прийти к противоположному выводу, о детализированном характере регулирования рассматриваемого права [5, с. 73].

Думается, что указанные противоречия кроются в несистематизированности экологического законодательства. Закон об охране окружающей среды, который по замыслу законодателя должен был иметь обобщающее, объединяющее значение и в целом регламентировать базовые вопросы рассматриваемой сферы, свои функции выполняет не в полной мере. Для такой обширной сферы регулирования, как охрана окружающей среды,

рассматриваемого Закона явно недостаточно, и отдельные вопросы охраны окружающей среды регулируются специальными федеральными законами и подзаконными нормативными правовыми актами, каждый из которых отражает те или иные нюансы реализации экологических прав граждан, в том числе и права на экологическую информацию. Поэтому, с одной стороны прослеживается неопределённость в регламентации перечня сведений, которые включаются в конституционное право граждан на получение экологической информации, с другой стороны имеет место неопределённо широкий круг источников законодательства, регламентирующих вопросы реализации рассматриваемого права в отдельных аспектах.

Если рассматривать право на экологическую информацию в целом, то неотъемлемым компонентом, обеспечивающим его реализацию, выступает обязанность органов государственной власти обеспечивать население достоверной экологической информацией, о чем говорится в ст. 5 Закона об охране окружающей среды. Поэтому уточнение содержания экологической информации и, соответственно, права на экологическую информацию принципиально важно не только в контексте обеспечения интересов граждан, но и в контексте обеспечения интересов государства и представляющих его субъектов. В литературе [6, с. 131], учитывая это, высказываются предложения о модернизации действующего российского законодательства в части уточнения содержания экологической информации и соответствующего права, однако идеи пока остаются лишь на уровне научных разработок.

В этой связи говоря о необходимости дальнейшего развития экологического законодательства, нельзя не признать, что оно и до настоящего времени эволюционировало [7], хотя происходящих изменений недостаточно, по крайней мере для реализации права на экологическую информацию.

Особо значимым вопросом в контексте рассматриваемой темы является обеспечение представление актуальной информации. Представляемая на официальных порталах экологическая информация не всегда соответствует

данному критерию [8, с. 108]. И причина этого вполне ясна: с точки зрения содержания актуальных данных право на экологическую информацию в действующем законодательстве не урегулировало недостаточно систематизированно и детально. При этом нет нормативно установленных жестких требований касательно степени новизны экологических данных.

Подтверждая изложенное, отметим, что, например, Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды России за 2022 г. [3] был представлен на официальном портале Минприроды лишь 6 декабря 2023 г. То есть давность отдельной информации, представленной в Докладе, составляет полтора года или более на момент его публикации. В то же время причины, по которым Доклад можно дать назвать запоздавшим, вполне ясны: это достаточно объёмный документ, представленный на 687 листах, а потому его подготовка отличается трудоемкостью.

Стоит затронуть и вопрос интерактивного представления данных. Действующим законодательством этот вопрос регламентирован недостаточно, в результате чего реализованы лишь некоторые возможности данного инструмента представления права на экологическую информацию. Например, официальный портал Минприроды России содержит интерактивную карту, где как нам представляется, должна содержаться актуальная информация об экологическом состоянии территория России. Однако данная карта отражает лишь некоторые общие сведения, прежде всего, об объектах контроля (их перечни, наименования, адреса расположения). Такие характеристики окружающей среды, как состояние водных объектов, воздуха, земельных ресурсов, на интерактивной карте не представлены.

Заключение

Российское законодательство гарантирует каждому право на достоверную экологическую информацию, которое при этом носит конституционный характер. Однако ни Конституция РФ, ни какие-либо федеральные законы не содержат исчерпывающего перечня экологической информации и её

характеристик. Это позволяет сделать вывод о недостаточной регламентации содержания рассматриваемого права, особенно в части новизны экологической информации. Такой инструмент, как интерактивная карта, который мог бы быть использован для официальной публикации данных о состоянии окружающей среды (прежде всего, атмосферного воздуха, почвы, вод, животного и растительного мира) России, ее регионов и муниципальных образований, фактически отсутствует.

Изложенное означает необходимость законодательного уточнения конституционного права на достоверную экологическую информацию не только с точки зрения ее перечня, но и с точки зрения её характеристик, в том числе такой характеристики, как новизна.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. № 6.
3. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году // Сайт Минприроды России. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/
4. Близнова Е. Н. Конституционное право на достоверную информацию об окружающей среде в РФ: сущность и содержание // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1). С. 240–245.
5. Гончаров В. В. [и др.]. Эволюция понятия конституционного права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Вопросы политологии. 2020. Вып. 1 (53). Т. 10. С. 68–79.
6. Оленина Т. Ю. Понятие экологической информации в российском законодательстве // Legal Concept. 2018. Т. 17. № 2. С. 126–133.

7. Савченко М. С., Грицай Д. В. Эволюция понятия конституционного права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33. № 1. С. 61–67.

8. Сусликова К. С. О конституционном праве на достоверную информацию об окружающей среде и некоторых проблемах его реализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 104-110.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.

2. Federal`ny`j zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob ohrane okruzhayushhej sredy`» // Rossijskaya gazeta. 2002. № 6.

3. Gosudarstvenny`j doklad o sostoyanii i ob ohrane okruzhayushhej sredy` Rossijskoj Federacii v 2022 godu // Sajt Minprirody` Rossii. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/

4. Bliznova E. N. Konstitucionnoe pravo na dostovernuyu informaciyu ob okruzhayushhej srede v RF: sushhnost` i sodержanie // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2013. № 1 (1). S. 240–245.

5. Goncharov V. V. [i dr.]. E`volyuciya ponyatiya konstitucionnogo prava grazhdan Rossijskoj Federacii na dostovernuyu informaciyu o sostoyanii okruzhayushhej sredy` // Voprosy` politologii. 2020. Vy`p. 1 (53). T. 10. S. 68–79.

6. Olenina T. Yu. Ponyatie e`kologicheskoy informacii v rossijskom zakonodatel`stve // Legal Concept. 2018. T. 17. № 2. S. 126–133.

7. Savchenko M. S., Griczaj D. V. E`volyuciya ponyatiya konstitucionnogo prava grazhdan Rossijskoj Federacii na dostovernuyu informaciyu o sostoyanii

okruzhayushhej srede` // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 33. № 1. S. 61–67.

8. Suslikova K. S. O konstitucionnom prave na dostovernuyu informaciyu ob okruzhayushhej srede i nekotory`x problemax ego realizacii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. № 1(52). S. 104-110.

Научная статья

УДК 342.9

ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ В ЧАСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛЕЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В СТ. 3.1 КОАП РФ

Джеффрис Саманта, Ph.D., профессор (доцент) Школы криминологии и уголовного правосудия, Университет Гриффита, mfuadi_ikramid@mail.ru

Аннотация

Автором анализируется проблематика законодательного закрепления целей административного наказания в ст. 3.1 КоАП РФ, в рамках чего рассматриваются положения указанной статьи как в целом, так и в аспекте отдельных целей наказания. Обосновывается значимость правовой регламентации целей, предпосылкой которой названо определение задач законодательства об административных правонарушениях; при этом указывается на частичное пересечение целей административного наказания с задачами законодательства об административных правонарушениях. Изучаются аналогичные положения уголовного законодательства, где в круг целей включено и восстановление социальной справедливости. В этом автор видит существенное формальное отличие целей уголовного наказания. Аргументируется нацеленность административного наказания на предупреждение совершения не только административных правонарушений, но и преступлений, в том числе и ввиду наличия института административной преюдиции. Отмечаются приводимые в литературе мнения, исходя из которых фактический спектр целей наказания более широк, нежели представленный в КоАП РФ. Обосновывается необходимость дополнения ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ целями восстановления социальной справедливости, предупреждения совершения уголовно наказуемых деяний самим правонарушителем и другими лицами, содействия формированию законопослушного поведения правонарушителя и иных лиц.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, восстановление социальной справедливости, КоАП РФ, предупреждение правонарушений, цели административного наказания

Статья поступила в редакцию 02.07.2025, одобрена после рецензирования 10.09.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

LEGAL GAPS REGARDING THE DEFINITION OF THE PURPOSES OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT IN ARTICLE 3.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Jeffries Samantha, Ph.D., Professor (Associate Professor) of the School of Criminology and Criminal Justice, Griffith University

Abstract

The author analyzes the problems of legislative consolidation of the goals of administrative punishment in Article 3.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, within which the provisions of this article are considered both in general and in the aspect of individual goals of punishment. The importance of the legal regulation of goals is substantiated, the prerequisite of which is the definition of the objectives of legislation on administrative offenses; at the same time, it is pointed out that the objectives of administrative punishment partially overlap with the objectives of legislation on administrative offenses. Similar provisions of criminal legislation are being studied, where the restoration of social justice is also included in the scope of goals. The author sees in this a significant formal difference in the objectives of criminal punishment. The author argues that administrative punishment is aimed at preventing the commission of not only administrative offenses, but also crimes, including due to the existence of the institution of administrative prejudice. The opinions cited in the literature are noted, based on which the actual range of purposes of punishment is wider than that presented in the Code of Administrative Offenses of

the Russian Federation. The article substantiates the need to supplement Part 1 of Article 3.1 of the Administrative Code of the Russian Federation with the goals of restoring social justice, preventing the commission of criminally punishable acts by the offender himself and others, and promoting the formation of law-abiding behavior of the offender and others.

Keywords: administrative responsibility, administrative punishment, restoration of social justice, Administrative Code of the Russian Federation, prevention of offenses, purposes of administrative punishment

Введение

Определение базовых целей наказания – неотъемлемая составляющая законодательного регулирования юридической ответственности, в том числе и административной. Именно цели задают тот вектор, в соответствии с которым развиваются нормы об ответственности в целом и мерах наказания в частности.

Российский законодатель к решению указанного вопроса при регламентации каждого из видов ответственности подходит довольно основательно. Однако это не исключает наличия некоторых изъянов в законодательных положениях, посвящённых целям наказания, по крайней мере, применительно к наказаниям административным. Этим определяется обращение внимания на ст. 3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [3] (далее – КоАП РФ).

Основная часть

В качестве целей административного наказания в ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ декларируются предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, привлекаемым к ответственности в конкретном случае, так и иными лицами. Это отражает предельную лаконичность регулирования рассматриваемых целей и порождает некоторые вопросы относительно возможности и целесообразности дополнения данного перечня целей, которые предполагается изучить в данной статье.

Здесь также важно обратить внимание на ч. 2 ст. 3.1, которая исключает рассмотрение в качестве возможных целей унижения достоинства человека, причинения ему физических страданий, а также нанесения вреда репутации организации.

Давая характеристику указанным целям, нельзя не обратить внимание на ст. 1.2 КоАП РФ, определяющую в качестве задач законодательства об административных правонарушениях:

- 1) защиту личности;
- 2) охрану прав и свобод человека и гражданина;
- 3) охрану здоровья граждан и санитарно-эпидемиологического благополучия населения;
- 4) защиту нравственности;
- 5) охрану окружающей среды;
- 6) охрану порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности;
- 7) охрану собственности, а также защиту экономических интересов граждан, организаций, общества и государства.
- 8) предупреждение административных правонарушений.

Перечисленные задачи важны постольку, поскольку именно их определение становится предпосылкой (необходимым условием) для конкретизации целей соответствующих наказаний. При этом сами задачи условно могут быть рассмотрены и в качестве целей соответствующих наказаний, во всяком случае, это возможно в рамках теоретического анализа. Однако пересматривать используемым законодателем подход не представляется целесообразным.

Здесь нельзя не обратить внимание на то, что охрана и защита соответствующих прав, интересов, объектов осуществляется именно от административных правонарушений; и речь де-юре ведется также о предупреждении именно административных правонарушений. Однако вряд ли

можно усомниться в том, что рассматриваемое законодательство прямо или косвенно обеспечивает охрану и защиту значимых ценностей не только от самих административных правонарушений, но и от уголовно наказуемых деяний, а также нацелено на предупреждение их совершения. Данный нюанс важно учитывать и при анализе целей административного наказания.

Из рассмотренных выше норм следует весьма существенное совпадение целей административного наказания и задач законодательства об административных правонарушениях. Более того, разграничить однозначно цели и задачи в отдельных аспектах практически невозможно. Так в числе целей и задач выделено предупреждение правонарушений, что свидетельствует о наличии вполне конкретного дублирования. Однако цели наказания в данном случае представляются более конкретными, поскольку присутствует указание на конкретного субъекта, совершившего административное правонарушение, хотя цели наказания в общем-то выходят за рамки воздействия на такого субъекта и касаются всех без исключения лиц, которые потенциально могут совершить правонарушение.

Нормативное закрепление целей наказания имеет не только формальное, но и практическое значение, что подтверждается материалами судебной практики, в которых часто встречается указание на достижение или недостижение целей административного наказания в рамках оценки тех или иных судебных актов.

Например, в ходе одного из дел рассматривался вопрос о совершённом организацией административном правонарушении, в результате чего Административно-технической инспекцией ей было назначено наказание в виде штрафа в размере 100 тыс. руб. Однако при обжаловании в судебном порядке решения инспекции сумма штрафа была снижена до 50 тыс. руб. Арбитражный суд, аргументируя своё решение о смягчении наказания, заключил, что размер изначального наказания не соответствовал тяжести правонарушения, а также не обеспечивал достижения целей наказания [4].

Вынесенное судом решение, являющееся законным и обоснованным, во всяком случае формально, под сомнение не ставится здесь. Но нельзя не подчеркнуть отсутствие в судебном акте указания на конкретные мотивы, исходя из которых была дана оценка изначально назначенного наказания как не позволяющего достичь целей административного наказания. То есть представляется не вполне понятным, почему именно более жёсткое наказание (а именно таковым было изначально назначенное наказание, в сравнении с смягчённым судом) не позволяет предупредить в дальнейшем совершение конкретной организацией и другими организациями административного правонарушения.

Можно предполагать, что суд в указанном случае принял во внимание не только цели предупреждения совершения административного правонарушения, указанные в ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ, но и цель восстановления справедливости, которая де-юре не закреплена применительно к административному наказанию, но де-факто предполагается. И если исходить именно из необходимости восстановления справедливости, то смягчение наказания именно со ссылкой на цели представляется вполне оправданным.

Есть смысл обратиться к нормам Уголовного кодекса РФ [2] (далее – УК РФ), ч. 2 ст. 43 которого в числе целей, наряду с частной и общей превенцией, выделяет и восстановление социальной справедливости. Важность последней цели невозможно отрицать, а потому подход законодателя к определению целей наказания в рамках УК РФ оценивается нами как более системный и комплексный, в отличие от того подхода, который законодатель демонстрирует в КоАП РФ.

Поэтому нет сомнений в том, что суды, рассматривая дела об административных правонарушениях, ориентируются в том числе и на необходимость восстановления социальной справедливости, несмотря на то, что формально КоАП РФ о данной цели применительно к административному наказанию не упоминает.

В литературе акцентируется внимание на проблематике восстановления социальной справедливости в контексте реализации юридической ответственности. При этом подчёркивается, что само правонарушение, в частности, преступление, такую справедливость нарушает и, привлекая лицо к ответственности, суд восстанавливает эту нарушенную справедливость. Помимо того, отмечается и такая цель, как исправление осуждённого [9, с. 140].

Думается, что данные выводы уместны не только применительно к уголовному наказанию, но и применительно к наказанию административному, поскольку назначение последнего, прямо или косвенно, способствует исправлению правонарушителя, особенно если исходить из того, что оно должно предупреждать совершение им новых правонарушений в дальнейшем, в чем и выражается сама суть исправления.

Вообще идею восстановления социальной справедливости как в целом, так и применительно к административному наказанию, отрицать сложно. Во многом она базируется на положениях Конституции РФ [1], в преамбуле которой прямо упоминается вера в справедливость. И уже исходя из этого становится очевидно, что любой закон должен способствовать поддержанию справедливости и её восстановлению в случае нарушения. Во всяком случае, такова логика авторов Основного Закона страны.

В конкретных нормах Конституции РФ вопрос справедливости прямо не раскрывается, хотя и затрагивается косвенно. Так, ч. 3 ст. 55 применительно к возможности ограничения тех или иных прав обобщенно приводятся типичные случаи, цели, мотивы. При этом очевидно, что законодатель руководствуется в том числе и справедливостью. Ведь если учесть, что любое ограничение может быть наложено исходя из благих намерений, соответствующих Конституции РФ, способствующих поддержанию конституционной законности, при этом не допускается произвольное ограничение прав, то определённая нацеленность на обеспечение социальной справедливости прослеживается в этом. Поэтому и

назначение административного наказания в определённом смысле нацелено на обеспечение социальной справедливости исходя из конституционных норм.

Важность восстановления социальной справедливости применительно к административному наказанию особо подчёркивают, например, Г.М. Мусаева и А.М. Загидиев [6, с. 98], что вряд ли возможно отрицать. Хотя сами цели данного наказания не ограничиваются идеей справедливости.

Уместно согласиться с Б.В. Яценко в наличии тесной связи между целями административного наказания и целями уголовного наказания [10, с. 80], особенно если учесть действующий в настоящее время институт административной преюдиции, когда в определённых случаях сам факт привлечения к административной ответственности является основанием для привлечения к уголовной ответственности. В этом смысле административное наказание, если не прямо, то, по крайней мере, косвенно имеет целью предупреждение совершения уголовно наказуемых деяний.

Близкое мнение высказывает Ю.П. Оноколов, обращающий внимание на отсутствие в настоящее время в КоАП РФ (в сравнении с КоАП РСФСР) такой цели наказания, как воспитание, и не ограничивающий предупредительный потенциал только сферой, регулируемой нормами КоАП РФ [7, с. 63].

А.Н. Дерюга и С.Н. Шаклеин, признавая важной составляющей целей административного наказания воспитание, подчёркивают необходимость дополнения круга целей также формированием у лиц стойкой привычки правомерного поведения [5, с. 12].

Уместно согласиться и с Д.Д. Сергеевым в том, что назначение административного наказания, помимо всего прочего, также нацелено на регулирование определённых правоотношений, восстановление правоотношений, выполняет карательную, исправительную и воспитательную цели [8, с. 596–597], хотя таковые видятся второстепенными.

Заключение

В нормах КоАП РФ взгляд законодателя на цели административного наказания, с одной стороны, традиционен, поскольку подчёркивается, поскольку основной акцент делается именно на общей и частной превенции. При более тщательном рассмотрении соответствующих норм очевидны недоработки законодателя, так как многие аспекты целей фактически проигнорированы.

Поэтому необходимой мерой видится расширение круга целей административного наказания в ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ, исходя из чего они должны включать также восстановление социальной справедливости, предупреждение совершения уголовно наказуемых деяний самим правонарушителем и другими лицами, содействие формированию законопослушного поведения правонарушителя и иных лиц.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996 № 25. Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2025 № 13АП-4283/2025 по делу № А56-104864/2024 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=475205&dst=100053#ztQh6mUVRaCdtFFK> (дата обращения: 24.05.2025).
5. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Цель административного наказания // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 1. С. 5–13.

6. Мусаева Г.М., Загидиев А.М. Административное наказание: понятие и его цели // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2018. Том 33. Вып. 2. С. 97–104.
7. Оноколов Ю.П. Предупреждение правонарушений и преступлений - основная цель административных наказаний // Право и практика. 2013. № 2. С. 60–68.
8. Сергеев Д.Д. Административное наказание: задачи и цели применения // IX Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции (г. Саранск, 28–29 ноября 2023 г.). Саранск: Рузаевский печатник, 2023. С. 594–598.
9. Тасаков, С. В. Восстановление социальной справедливости как наиболее важная цель наказания // Вестник Кузбасского института. 2023. № 2(55). С. 139–144.
10. Яцеленко Б.В. Социально-правовая природа преступления с административной преюдицией // Вестник Российской правовой академии. 2018. № 2. С. 79–84.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996 № 25. St. 2954.
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1.
4. Postanovlenie Trinadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 12.05.2025 № 13AP-4283/2025 po delu № A56-104864/2024 // SPS «Konsul`tantPlyus». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=475205&dst=100053#ztQh6mUVRaCdtFFK> (data obrashheniya: 24.05.2025).

5. Deryuga A.N., Shaklein S.N. Cel' administrativnogo nakazaniya // Vestnik Mogilevskogo instituta MVD. 2020. № 1. S. 5–13.
6. Musaeva G.M., Zagidiev A.M. Administrativnoe nakazanie: ponyatie i ego celi // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvenny'e nauki. 2018. Tom 33. Vy`p. 2. S. 97–104.
7. Onokolov Yu.P. Preduprezhdenie pravonarushenij i prestuplenij - osnovnaya cel' administrativny`x nakazanij // Pravo i praktika. 2013. № 2. S. 60–68.
8. Sergeev D.D. Administrativnoe nakazanie: zadachi i celi primeneniya // IX Yuridicheskie chteniya: materialy` Nacional`noj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Saransk, 28–29 noyabrya 2023 g.). Saransk: Ruzaevskij pechatnik, 2023. S. 594–598.
9. Tasakov, S. V. Vosstanovlenie social`noj spravedlivosti kak naibolee vazhnaya cel' nakazaniya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2023. № 2(55). S. 139–144.
10. Yacelenko B.V. Social`no-pravovaya priroda prestupleniya s administrativnoj preyudiciej // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2018. № 2. S. 79–84.

5.1.5. Международно-правовые науки

Научная статья

УДК 341

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И СОБЛЮДЕНИЯ

**Дакен Джейн С., Ph.D., доцент уголовного правосудия и криминологии,
Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, Техас, США,
janedknhsv@icloud.com**

Аннотация

В статье изучены некоторые актуальные проблемы, возникающие в связи с закреплением и обеспечением соблюдения основных принципов международного права. Основное внимание автором обращается на отсутствие закреплённого на уровне международного права понятия основных принципов международного права, что в условиях многообразия терминов, используемых для обозначения данного феномена, ещё больше осложняет его понимание. Некоторые проблемы, связанные с применением основных принципов международного права автор усматривает в национальном законодательстве, которое зачастую противоречит международному праву и ограничивает возможности применения последнего. Автор обосновывается идея о целесообразности применения основных принципов международного права постольку, поскольку они не противоречат национальным интересам. Применительно к России данная идея находит реализацию в судебной практике, на которую автор также ссылается. При этом приоритет национального права автором подчёркивается применительно не только к России, но и к любой другой стране, для которой ценно соблюдение национальных интересов. Однако данные идеи ни в коем случае не нацелены на отрицание основных принципов международного права или на умаление их значимости, о чем автор также пишет,

подчёркивая подчёркивая принадлежность основных принципов международного права российской правовой системе.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, международное право, нарушение международного права, международные санкции, национальное законодательство, ООН, права человека, принципы и нормы международного права

Статья поступила в редакцию 26.05.2025, одобрена после рецензирования 04.07.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

BASIC PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LAW: PROBLEMS OF CONSOLIDATION AND OBSERVANCE

Jane C. Daquin, Ph.D., Associate Professor of Criminal Justice and Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, Texas, USA

Abstract

The article examines some of the current problems that arise in connection with the consolidation and enforcement of the basic principles of international law. The author focuses on the lack of a fixed concept of the basic principles of international law at the level of international law, which, given the variety of terms used to denote this phenomenon, further complicates its understanding. The author sees some problems related to the application of the basic principles of international law in national legislation, which often contradicts international law and limits the possibilities of applying the latter. The author substantiates the idea of the expediency of applying the basic principles of international law insofar as they do not contradict national interests. In relation to Russia, this idea finds implementation in judicial practice, to which the author also refers. At the same time, the author emphasizes the priority of national law in relation not only to Russia, but also to any other country for which respect for

national interests is valuable. However, these ideas are by no means aimed at denying the basic principles of international law or at belittling their significance, which the author also writes about, emphasizing the affiliation of the basic principles of international law to the Russian legal system.

Keywords: international legal regulation, international law, violation of international law, international sanctions, national legislation, UN, human rights, principles and norms of international law

Введение

В качестве цели настоящей статьи намечено изучение некоторых наиболее значимых вопросов закрепления и соблюдения базовых принципов международного права.

Избранная для анализа проблематика актуализируется, одной стороны, высокой значимостью положенных в основу международного права базовых принципов, без которых его в современном виде вряд ли можно представить; с другой стороны, актуализации рассматриваемой темы способствует и отсутствие единого понимания как самой сущности основных принципов, так и единого подхода к их систематизации: ни современная доктрина международного права, ни конкретные международно-правовые документы не позволяют дать однозначный ответ на вопросы о том, что же представляют собой основные принципы международного права, в чем их главное отличие от иных правовых принципов и какие именно принципы входят к их круг.

Основная часть

Исследуемый вопрос можно отнести к числу фундаментальных. Между тем, он оказывается до сих пор не решённым, и во многом это обусловлено отсутствием общепринятого подхода в использовании терминологии, обозначающей такие принципы. Более того, международном праве пока не решена проблема официального толкования основных принципов [9, с. 8].

Существование указанной проблемы представляется вполне закономерным в условиях терминологического многообразия и отсутствия единства даже в вопросе выбора и использования термина для обозначения рассматриваемого феномена.

В контексте изложенного уместно привести лишь некоторых из употребляемых понятий:

- общие принципы права;
- общепризнанные (общеобязательные) принципы международного права;
- отраслевые принципы международного права [9, с. 8].

Вопрос выбора подходящего термина (терминов) применительно к рассматриваемой проблеме определенно осложняется также рассмотрением норм права наряду с принципами. И в этой связи нередко имеет место применительно к международному праву употребление формулировки «принципы и нормы», а также смежных формулировок, представленных выше, но с указанием и на нормы.

Следует признать, что рассматриваемые вопросы остаются актуальными уже на протяжении многих десятилетий, поскольку начали подниматься еще в рамках советской правовой науки и вряд ли будут разрешены в обозримой перспективе. Так, еще в 1950-х гг. В. М. Корецкий поднимал данную проблематику в качестве одного из первых ее инициаторов и по итогу пришел к выводу, в частности, о том, что общие принципы права по своей сущности равнозначны общим (основным) принципам международного права [5, с. 45]. Хотя, конечно, в юридически значимых международных документах такой взгляд не получил отражения.

Тем не менее, представленный вывод можно оценивать как вполне обоснованный, но только при условии общеобязательности принципов международного права для всех стран. Однако являются ли они таковыми де-факто? В целом – да. Хотя имеют место и некоторые исключения. Более того, международное право не всегда выступает основой права национального,

поэтому говорить о тождественности указанных понятий преждевременно. Полагаем, что данные понятия могут рассматриваться как тождественные лишь условно. В целом же общие принципы права представляются более широким понятием.

Несколько иной позиции придерживается Б. И. Нефедов, полагающий невозможность ограничения общепризнанных принципов международного права понятием основных принципов права, поскольку данные юридические категории состоят друг с другом в соотношении как часть и целое. В этом смысле указание на то, что принципы «основные», означает наличие и других – не основных принципов [9, с. 15]. Думается, что такой вывод в полной мере справедлив. Более того, и не основные принципы, как нам представляется, тоже могут быть общепризнанными, но не иметь такого значения, какое имеют основные принципы.

П. П. Кремнев, рассматривая общепризнанные принципы международного права в комплексе с нормами, относит к ним те принципы и нормы, которые получили признание со стороны международного сообщества государств и имеют высшую юридическую силу [7, с. 21].

Можно было бы поддержать эту позицию, однако если учитывать наличие национального законодательства, прежде всего, базирующегося на Конституции РФ, то указание на высшую юридическую силу представляется заблуждением, ведь именно Конституция имеет высшую юридическую силу, а не общие принципы международного права. Более того, о высшей юридической силе не приходится говорить и в связи с тем, что каждое государство в пределах своих границ осуществляет власть самостоятельно и на основе, прежде всего, национального права, в том числе конституционного, которое определяет все прочие аспекты правовой системы. Хотя, если рассматривать международное право абстрагированно, без учёта национального права, то указание на высшую юридическую силу представляется вполне справедливым.

Ю. С. Ромашев в контексте осмысления сущности международных принципов подчёркивает наличие двух форм их существования:

- формы норм;
- формы идей [10, с. 150–151].

В этом смысле рассмотрение принципов и норм международного права совокупности можно считать вполне обоснованным. Хотя, с другой стороны, нормы, как правило представляются более конкретными ввиду наличия прямого нормативного закрепления, чего нельзя сказать о принципах, которые не всегда получают формальное закрепление.

Нельзя не заметить, что в качестве предмета научных дискуссий нередко выступает вопрос соотношения принципов международного права с нормами. При этом есть мнение о различии норм и принципов, базирующийся на понимании норм как феномена более низкого уровня, а принципа – как более высокого. И в этой связи норма может пониматься как реализация принципа. Но есть и другое мнение, что принцип характеризуется более широкой сферой применения. Вместе с тем в рамках практики Международного суда ООН имеет место смешение норм и принципов, что характеризует их как комплексный единый феномен ссылка [10, с. 151]. Здесь очевидно, что развивающие практику Международного суда ООН субъекты в большей мере ориентируются именно на практическую составляющую, нежели на научную. И в этой связи объединение принципов с нормами представляется оправданным.

В. Н. Корнев отмечает, что принципы права, в том числе и основополагающие, складываются в процессе практической деятельности субъектов правоотношений, они определяют его характер и содержание. При этом принцип права имеет самостоятельное значение, как и любое иное правовое явление [6, с. 22]. С этим трудно не согласиться.

Вместе с тем, В. Н. Корнев признает, что рассмотрение принципов права и норм права как тождественных феноменов имеет под собой ни одну причину. С точки зрения отечественной юридической науки традиционным является взгляд

о применении норм права. В то же время не принято рассматривать вопрос о применении принципов права, за исключением, пожалуй, двух случаев – аналогии права и аналогии закона [6, с. 22].

Проблему неоднозначного понимания общих принципов международного права отчасти можно связать с отсутствием общепринятой дефиниции общего международного права. Как справедливо пишет П. П. Кремниев, такая дефиниция отсутствует и общее международное право принимается как данность [7, с. 22].

Немаловажным обстоятельством, обуславливающим наличие проблем в области нормативного закрепления и применения основных принципов международного права, является отсутствие их перечня как в доктрине, так и в нормативных источниках [3, с. 21]. Поэтому даже нормативное определение сущности общих принципов международного права вряд ли позволит разрешить в полной мере имеющуюся проблематику.

Тем не менее в отдельных международных документах те или иные принципы находят закрепление. Например, в Уставе ООН представлены 7 императивных принципов, в частности:

- равноправие и самоопределение народов;
- равенство государств;
- разрешение международных споров мирными средствами;
- невмешательство во внутренние дела [1].

Но это нельзя считать исчерпывающей основой для международного и в целом этот перечень не является закрытым де-факто хотя бы по той причине, что они никоим образом не содержат одну из ключевых ценностей, а именно признание человеческих прав и свобод.

Более того, в научной литературе общие принципы международного права рассматриваются более широко. Так, профессор Ю. С. Ромашев, подчеркивая предельную обобщенность принципов, относит к ним:

- гуманизм;

- добросовестность;
- единство прав и обязанностей;
- обеспечение судебной защиты нарушенных прав;
- равноправие;
- справедливость и пр. [10, с. 161].

И вряд ли можно отрицать необходимость признания указанных положений основными принципами международного права хотя бы с точки зрения доктрины. Однако говорить об их нормативном, системном закреплении пока не приходится, они закрепляются пока лишь фрагментарно.

Проблематика основных принципов международного права в некоторой степени опосредуется и наличием национального права, от которого зависит признание того или иного статуса международных принципов. В этой связи применительно к России специфика статуса общепризнанных принципов и норм международного права состоит в том, что они имеют приоритет перед международными договорами, перед нормами внутреннего законодательства, но уступают в силе Конституции РФ [4, с. 31–33; 8, с. 4–5].

Представленные характеристики, отражающие специфику статуса общепризнанных принципов международного права, в некоторой степени условны, поскольку в целом вопрос о соотношении норм национального и международного права остаётся предметом острых дискуссий, особенно в связи с пересмотром в течение последних 2-х лет Россией отношения к международному праву. Здесь не последнюю роль сыграли и односторонние ограничительные меры, принимаемые в отношении России отдельными государствами, именуемые санкциями [11].

Учитывая вышеизложенное, нельзя не отметить приоритетность национальных интересов – интересов Российского государства и российского народа – перед формальным признанием и соблюдением принципов международного права. Одним их выражений такой позиции является реализованный в судебной практике принцип недопустимости применения

правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции РФ [2]. То есть если учитывать данный принцип национального права, то иные принципы, нашедшие закрепление в международном праве, исполняются лишь в той мере, к какой не противоречат национальной Конституции.

Заключение

Основные принципы международного права – крайне размытое понятие, притом для его обозначения используются и другие термины, сущность которых ни формально, ни доктринально не конкретизирована. Это одна из главных проблем, связанных с закреплением и соблюдением рассматриваемых принципов. Другая проблема состоит в том, что перечень основных принципов международного права в полной мере не зафиксирован. В разных нормативных источниках встречаются различные перечни; во многих случаях те или иные принципы закрепляются фрагментарно. Поэтому системность в международно-правовом регулировании этого вопроса отсутствует, что порождает невозможность в полной мере и соблюдать основные принципы международного права.

В числе ключевых барьеров, осложняющих применение основных принципов международного права, видятся не вполне добрососедские отношения между разными государствами, свидетельством чему является, например, применение в отношении России односторонних ограничительных мер; второе препятствие – противоречие международного права национальному праву. Поэтому международное право в целом и основные принципы международного права в частности соблюдаются лишь в той мере, в кой это не противоречит национальным интересам.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций: принят 26 июня 1945 г. (с изм. от 16 сен. 2005 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций,

заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956.

2. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 8 дек. 2021 г. // Сайт Верховного Суда Рос. Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/30586/> (дата обращения: 14.05.2025).

3. Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4(108). С. 19–30.

4. Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Общепризнанные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы // Международное публичное и частное право. 2006. № 6. С. 30-33.

5. Корецкий В.М. «Общие принципы права» в международном праве. Киев : Изд-во Акад. наук УССР, 1957. 52 с.

6. Корнев В. Н. Основополагающие принципы международного и внутригосударственного права // Российское правосудие. 2010. № 12(56). С. 18–23.

7. Кремнев П. П. Общепризнанные принципы общего международного права в системе российского права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 6. С. 19–33.

8. Кузнецова, О. А. Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе / О. А. Кузнецова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 3(9). – С. 4-10. – EDN KUZVIF.

9. Нефедов Б. И. Принципы в международном праве: терминология // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 6–17.

10. Ромашев Ю. С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174.

11. Шайдуллина В. К. Проблемы соблюдения принципов международного права при введении финансово-экономических санкции против государства в одностороннем порядке // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Том. 7, № 1 (22). С. 397–401.

References

1. Ustav Organizacii Ob`edinenny`x Nacij: prinyat 26 iyun. 1945 g. (s izm. ot 16 sen. 2005 g.) // Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x SSSR s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. XII. – M., 1956.
2. Obzor praktiki primeneniya sudami obshhepriznanny`x principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny`x dogovorov Rossijskoj Federacii pri rassmotrenii ugolovny`x del : utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda Ros. Federacii 8 dek. 2021 g. // Sajt Verxovnogo Suda Ros. Federacii. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/30586/> (data obrashheniya: 14.05.2025).
3. Abashidze A. X. Principy` mezhdunarodnogo prava: problemy` ponyatijno-soderzhatel`nogo xaraktera // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2017. № 4(108). S. 19–30.
4. Babaj A.N., Timoshenko V.S. Obshhepriznanny`e principy` i normy` mezhdunarodnogo prava kak sostavnaya chast` rossijskoj pravovoj sistemy` // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2006. № 6. S. 30-33.
5. Koreczkij V.M. «Obshhie principy` prava» v mezhdunarodnom prave. Kiev : Izd-vo Akad. nauk USSR, 1957. 52 s.
6. Kornev V. N. Osnovopolagayushhie principy` mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava // Rossijskoe pravosudie. 2010. № 12(56). S. 18–23.
7. Kremnev P. P. Obshhepriznanny`e principy` obshhego mezhdunarodnogo prava v sisteme rossijskogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2018. № 6. S. 19–33.
8. Kuzneczova, O. A. Yuridicheskaya sila obshhepriznanny`x principov i norm mezhdunarodnogo prava v rossijskoj pravovoj sisteme / O. A. Kuzneczova //

Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika. – 2009. – № 3(9). – S. 4-10. – EDN KUZVIF.

9. Nefedov B. I. Principy` v mezhdunarodnom prave: terminologiya // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2019. № 1. S. 6–17.

10. Romashev Yu. S. Obshhie principy` prava v sisteme mezhdunarodnogo prava // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2021. № 3. S. 148–174.

11. Shajdullina V. K. Problemy` soblyudeniya principov mezhdunarodnogo prava pri vvedenii finansovo-e`konomicheskix sankcii protiv gosudarstva v odnostoronnem poryadke // Baltijskij gumanitarny`j zhurnal. 2018. Tom. 7, № 1 (22). S. 397–401.

Научная статья

УДК 341

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

**Вашкевич Павел, Ph.D., профессор, Варшавский университет,
binchen_nk2021@outlook.com**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению некоторых наиболее важных вопросов, связанных с международной защитой прав человека в аспекте современного российского права. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. представлена как основа международной защиты прав и подчеркнута её глобальное объединяющее, систематизирующее и направляющее значение как источника права. Национальное законодательство в статье представлено как одно из неотъемлемых условий, опосредующих возможность использования международных инструментов в интересах защиты прав человека. Затронут вопрос трансформации российского законодательства в сторону отказа от норм международного права и, вместе с тем, подчеркнута сохранение прочных позиций России в международно-правовом пространстве, создающем возможности для международной защиты. Отмечается отсутствие реально функционирующих институтов международной защиты прав человека на глобальном уровне, идентичных Европейскому суду по правам человека, но при этом дружественных России. Оцениваются перспективы дальнейшего развития международного права в вопросе обеспечения международной защиты прав человека и формулируются предложения по развитию соответствующих институтов.

Ключевые слова: Всеобщая декларация прав человека, защита прав человека, международное право, нарушение прав человека, национальное право, общепринятые принципы и нормы, права человека и гражданина, принципы международного права

Статья поступила в редакцию 18.06.2025, одобрена после рецензирования 15.08.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

ISSUES OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS PROTECTION

Waszkiewicz Pawel, Ph.D., Professor, University of Warsaw

Abstract

The article is devoted to the consideration of some of the most important issues related to the international protection of human rights in the aspect of modern Russian law. The Universal Declaration of Human Rights of 1948 is presented as the basis for the international protection of rights and its global unifying, systematizing and guiding importance as a source of law is emphasized. The article presents national legislation as one of the essential conditions that mediate the possibility of using international instruments in the interests of human rights protection. The issue of the transformation of Russian legislation towards the rejection of the norms of international law was raised and, at the same time, the preservation of Russia's strong positions in the international legal space, creating opportunities for international protection, was emphasized. It is noted that there are no really functioning institutions for the international protection of human rights at the global level, identical to the European Court of Human Rights, but at the same time friendly to Russia. The prospects for the further development of international law in the issue of ensuring international protection of human rights are assessed and proposals for the development of relevant institutions are formulated.

Keywords: Universal Declaration of Human Rights, protection of human rights, international law, violation of human rights, national law, generally accepted principles and norms, human and civil rights, principles of international law

Введение

Вопросы правового развития общества и государства в современном мире приобретают глобальное значение, чем обосновывается возникновение проблематики защиты прав человека не только на внутригосударственном (национальном) уровне, но и на международном (наднациональном) уровне, особенно в глобальных масштабах. Особенно важно это в тех случаях, когда внутригосударственные институты, которые призваны (должны быть призваны) обеспечивать защиту (возможности защиты) прав и интересов человека, отсутствуют, либо имеются, но не функционируют, либо функционируют не вполне эффективно.

Россия – одно из тех государств, где проблематика защиты прав человека особенно остра, а инструменты международной защиты прав в контексте российского права интересны и с теоретической, и с практической точки зрения. Притом практика законодательного регулирования и правоприменения последних лет свидетельствует о том, что реальные возможности международно-правовой защиты прав человека в России сведены к минимуму.

В целом международно-правовые институты защиты прав человека (вне контекста российской правовой системы) тоже остаются развиты недостаточно, несмотря на высокий потенциал. Международное сообщество, имея все необходимые возможности, не предпринимает особо активных мер, которые бы обеспечили международную защиту прав человека именно в глобальном масштабе. Этим актуализируется тема настоящей статьи и обосновывается нацеленность автора на поиск путей развития международных институтов защиты прав человека.

Основная часть

Юридическую основу для международной защиты прав человека образует, прежде всего, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [2], Разработанная и принятая в рамках ООН. Учитывая глобальный масштаб деятельности ООН, указанную Декларацию можно считать наиболее значимым юридическим

документом международного уровня в части создание правовых гарантий для человека и гражданина. В целом же значение данной декларации можно описать как:

- объединяющее;
- систематизирующее;
- направляющее.

Объединяющее значение рассматриваемой Декларации выражается в том, что благодаря глобальному характеру деятельности ООН, принятая в рамках данной Организации Декларация формирует некоторые единые взгляды на права и свободы человека и гражданина, и благодаря Декларации усилия международного сообщества объединяются вокруг защиты вполне конкретного и понятного комплекса юридически значимых ценностей.

Систематизирующее значение Декларации выражается в том, что в ней приведены практически все значимые для современного цивилизованного общества права и свободы человека, которые, так или иначе, берутся за основу в подавляющем большинстве демократических государств. Также систематизирующее значение Декларации выражается в ее единстве (весь комплекс прав сосредоточен именно в рамках одного документа), что позволяет упростить вопрос определения спектра прав человека.

Направляющее значение Декларации выражено в том, что она является своеобразным ориентиром для определения вектора правового регулирования вопросов защиты прав и свобод человека и гражданина как применительно к международному регулированию, так и применительно к национальному законодательству. Выделение в Декларации определённого спектра прав прямо или косвенно вынуждает органы власти стран-участниц ООН, принявших ее, руководствоваться представленными в ней положениями. То есть некое начало для обеспечения международной защиты прав человека имеется, и оно вполне конкретное.

Немаловажным условием международной защиты прав человека является признание национальным законодательством международного права в целом и в части норм, обеспечивающих соответствующую защиту прав человека. В России основой законодательства выступает Конституция РФ [1], нормы которой позволяют использовать инструменты международной защиты прав человека.

Надо сказать, что конституционное допущение использования международных инструментов защиты прав человека в России не случайно. Это становится очевидным, если обратиться, например, к преамбуле Конституции, где говорится об осознании России как части мирового (международного) сообщества. Очевидно, что государство, которое себя таким образом позиционирует, не может отрицать возможности использования международных средств защиты прав граждан.

Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ провозглашает общепризнанные принципы и нормы международного права международные договоры составляющей российской правовой системы, что означает обязательность их исполнения в соответствии с установленной Конституцией иерархией.

Ч. 3 ст. 46 Конституции наделяет всех граждан правом использования межгосударственных органов по защите прав человека при условии полного исчерпания внутригосударственных возможностей. Думается, что это ключевая норма, обеспечивающая международную защиту прав человека в условиях российской правовой действительности.

То есть нормативные основания международной защиты прав человека существуют не только на международном уровне, но и в России. Однако, практика свидетельствует о серьёзных проблемах в части использования международных институтов. И тут уместно сослаться на два ключевых источника судебной практики, отражающие современную ситуацию в решении анализируемого вопроса. Первое из них – Постановление Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу Анчугова и Гладкова против России, в рамках которого было признано нарушение избирательных прав указанных граждан,

находившихся в местах отбывания наказания, в результате фактического лишения их возможности принимать участие в выборах [4].

Далее уже Конституционным Судом РФ в 2016 г. обстоятельства, признанные ЕСПЧ, не отрицались, однако был сделан вывод о невозможности выполнения предписаний ЕСПЧ [3], чем была создана предпосылка для невыполнения всех иных постановлений ЕСПЧ и своеобразный прецедент.

Но если с 2016 до 2022 г. инструменты защиты прав человека в рамках процедуры обращения в ЕСПЧ российской стороной ставились под сомнение исключительно в рамках судебной практики, то в период с 2022 по 2023 гг. произошло окончательное правовое оформление фактического отказа от рассматриваемого института с российской стороны именно на законодательном уровне. Такой шаг был спровоцирован недружественными действиями со стороны европейских держав, поэтому выход России из юрисдикции ЕСПЧ стал не только обоснованным, но и закономерным результатом международного противостояния и отстаивания собственных национальных интересов.

То есть произошла некая трансформация отечественного права в части признания и использования инструментов международной защиты прав человека. С одной стороны, Россия сохранила свои позиции в международном сообществе, продолжила выполнять все принятые на себя в рамках ООН обязательства. С другой стороны, в российском правовом поле произошла фактическая отмена единственного реально действующего механизма международной защиты прав человека, коим был ЕСПЧ.

В изменившихся условиях возникает закономерный вопрос о том, есть ли какие-либо альтернативы, которые бы позволили гражданам в рамках вполне понятной и стандартной юрисдикционной процедуры защищать свои права при в случаях неэффективности отечественных инструментов защиты? Аналогичным вопросом справедливо задается и В. А. Коннов [6, с. 145].

Указанная данным автором проблема международной защиты прав человека анализируется в контексте возможностей создание и (или)

использования различных альтернатив в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС). Но здесь имеются весьма серьёзные трудности. Например, некоторые государства-члены СНГ признают юрисдикцию ЕСПЧ, что делает не только затруднительным, но и практически невозможным формирование на всей всем пространстве СНГ сопоставимого по статусу юрисдикционного института. По поводу БРИКС указанный автор делает аналогичные выводы. Что касается Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), то право некоторых ее стран-членов России чуждо, особенно с что касается Китая и Пакистана [6, с. 145–146]. Учитывая изложенное, представляется очевидной потребность в дальнейшей более тесной интеграции правовых систем государств, входящих в наиболее дружественные России международные организации, а именно ЕАЭС и БРИКС.

Тем не менее, не все исследователи разделяют пессимистические взгляды относительно перспектив формирования альтернативы Европейскому Суду на просторах, например, СНГ. М. Ф. Косолапов полагает, что Суд по правам человека может быть учреждён и в рамках СНГ [7, с. 168]

То есть вопрос о возможности и целесообразности создания наднационального суда в рамках наиболее дружественной России организации остаётся спорным и вряд ли может быть однозначно решён в ближайшие годы. Относительно возможности создания Суда по правам человека в рамках других организаций можно сделать аналогичный вывод. То есть гипотетически, в рамках любой международной организации суд по правам человека может быть создан, однако для этого предстоит решить массу вопросов, которые остаются крайне сложными.

Здесь надо сказать, что европейские страны, на базе которых был изначально сформирован ЕСПЧ, имели существенные сходства в части правового развития и видения перспектив такого развития, что позволило сформировать такую структуру. Но если абстрагироваться от ЕСПЧ, то даже

наличие общего суда для нескольких стран не означает, что все противоречия устранены.

Что касается России, что ей крайне сложно будет найти государства с близкими ей ценностями, интересами и уровнем развития. И, конечно, это обстоятельство существенно осложняет поиск альтернатив. Тем не менее, если исходить из того, что в международной концепции права человека базируются на неких общечеловеческих ценностях [8, с. 61], то можно полагать возможным создание наднационального суда по правам человека.

Препятствием в этом случае будет противоречие в понимании прав человека, ведь вопрос универсальности таких прав пока ещё остаётся дискуссионным [8, с. 61].

При изучении вопроса защиты прав человека в международных органах не нельзя не вспомнить про Международный Суд ООН, который гипотетически мог бы стать институтом, обеспечивающим возможность рассмотрения дел о защите прав человека в случаях исчерпания национальных средств защиты. Однако главным препятствием на пути трансформации данного органа в некий аналог ЕСПЧ видится именно его глобальность. И если в рамках европейского сообщества создание наднационального суда было возможным ввиду близости друг другу европейских стран по уровню своего правового развития, то в глобальных масштабах не приходится говорить о наличии такой близости. Например, понимание прав человека в странах Запада принципиально отличается от понимания таких прав в исламских государствах.

Другой проблемой можно назвать становящуюся все более очевидной политизацию деятельности Суда ООН [5, с. 34], ввиду чего не представляется возможным развивать идею расширения его деятельности.

Кроме того, Международный Суд ООН представляется органом совершенно иного масштаба деятельности, хотя бы потому, что рассматривает вопросы, наиболее значимые с точки зрения мирового сообщества,

затрагивающие права и интересы широких масс. Споры же отдельных лиц против государства в такую концепцию не вписывается.

Заключение

Международная защита прав человека находится в числе ключевых проблем современного общества. Признавая это, мировым сообществом в рамках ООН ещё в 1948 г. была разработана Всеобщая декларация прав человека, однако юрисдикционного органа, который бы обеспечивал защиту прав человека в конкретных ситуациях их нарушения на международном уровне именно в глобальном масштабе пока не создано. Тем не менее, потребности в этом усматриваются, что становится особенно очевидным после выхода России из юрисдикции ЕСПЧ.

В настоящее время фактически нет действенных международных юрисдикционных органов, которые бы обеспечивали такую защиту. Не в рамках Международного Суда ООН, ни в рамках других организаций не представляется возможной реализация тех задач, которые реализовывались в рамках ЕСПЧ.

В связи с изложенным важно стремиться к развитию национального права в одинаковом векторе с наиболее передовыми и дружественными России странами, что в дальнейшем должно обеспечить возможности для создания наднационального судебного органа, аналогичного ЕСПЧ, но вместе с тем дружественного России. Подобные возможности целесообразно развивать прежде всего в рамках БРИКС и ЕАЭС.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 4 июл.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Известия. 1989. 9 дек. № 344.

3. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 апр. 2016 г. № 12-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: : <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.05.2025).
4. По Делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июл. 2013 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 2.
5. Зинченко О. И. Международный Суд ООН на современном этапе: актуальные вызовы и перспективы // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19, № 4(69). С. 32–40.
6. Коннов В. А. К вопросу о перспективах участия Российской Федерации в международных договорных механизмах по защите прав человека // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 144–147.
7. Косолапов М. Ф. Конституционное право на обращение в международные органы в государствах СНГ: проблемы становления правозащитного механизма // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9(225). С. 166–169.
8. Лихачев М. А. Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал ВШЭ. 2024. Т. 17, № 1. С. 40–67.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 4 iyul.
2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka : prinyata General`noj Assambleej OON 10 dek. 1948 g. // Izvestiya. 1989. 9 dek. № 344.

3. Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolneniya v sootvetstvii s Konstituciej Rossijskoj Federacii postanovleniya Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 goda po delu «Anchugov i Gladkov protiv Rossii» v svyazi s zaprosom Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii» : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 19 apr. 2016 g. № 12-P // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: : <http://publication.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 23.05.2025).
4. Po Delu «Anchugov i Gladkov (Anchugov and Gladkov) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 11157/04, 15162/05) : Postanovlenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyul. 2013 g. // Byulleten' ESPCh. 2014. № 2.
5. Zinchenko O. I. Mezhdunarodnyj Sud OON na sovremennom e'tape: aktual'ny'e vy`zovy` i perspektivy` // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2023. T. 19, № 4(69). S. 32–40.
6. Konnov V. A. K voprosu o perspektivax uchastiya Rossijskoj Federacii v mezhdunarodny`x dogovorny`x mexanizmax po zashhite prav cheloveka // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 6. S. 144–147.
7. Kosolapov M. F. Konstitucionnoe pravo na obrashhenie v mezhdunarodny`e organy` v gosudarstvax SNG: problemy` stanovleniya pravozashhitnogo mexanizma // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 9(225). S. 166–169.
8. Lixachev M. A. Universal`nost` mezhdunarodny`x standartov prav cheloveka: neobxodimaya utopiya // Pravo. Zhurnal VShE`. 2024. T. 17, № 1. S. 40–67.

Научная статья

УДК 327:341

ЮРИДИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО ГОСУДАРСТВ И ПРИОРИТЕТ ИНТЕРЕСОВ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ КАК НЕГЛАСНЫЙ ПРИНЦИП МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**Биде Густаво А., Ph.D., вспомогательный профессор факультета
юридических и социальных наук, Южный университет Чили, Вальдивия,
Лос-Риос, Чили, gustavbidecl@outlook.com**

Аннотация

Интерес автора к теме юридического неравенства государств и приоритета интересов ведущих мировых держав обоснован наличием явных противоречий между формально декларируемым в Уставе ООН принципом суверенного равенства всех Членов данной Организации и фактически развиваемым принципом неравенства. В процессе анализа рассматриваются некоторые нормы Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека, значимые с точки зрения оценки правового статуса стран-членов ООН. Автором раскрываются ключевые проявления негласного принципа неравенства, реализуемого прежде всего в рамках ООН в отношении различных государств. При этом подчёркивается закономерность, историческая, политическая и правовая обусловленность указанного принципа. В качестве одной из составляющих принципа юридического неравенства отмечается политика ограничений, связанных с ядерным оружием, в подтверждение чего приводится Договор о нераспространении ядерного оружия. По итогу анализа делается вывод о невозможности кардинального пересмотра сложившейся ситуации в части обеспечения равенства государств в глобальном масштабе. Также автор приходит к выводу о том, что существующий миропорядок, характеризующийся наличием юридического неравенства, в определённой степени выгоден России как одно из ведущих держав, входящих в круг постоянных членов Совета Безопасности ООН и в круг ядерных держав.

Ключевые слова: государство, равенство государств, независимость, неравенство государств, принципы международного права, Россия суверенитет, суверенное государство, США, ядерные державы

Статья поступила в редакцию 11.07.2025, одобрена после рецензирования 09.09.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

THE LEGAL INEQUALITY OF STATES AND THE PRIORITY OF THE INTERESTS OF THE LEADING POWERS AS AN UNSPOKEN PRINCIPLE OF INTERNATIONAL LAW

Gustavo A. Beade, Ph.D., Assistant Professor of the Faculty of Legal and Social Sciences, Southern University of Chile, Valdivia, Los Ríos, Chile

Abstract

The author's interest in the topic of legal inequality of states and the priority of the interests of the leading world powers is justified by the presence of obvious contradictions between the principle of sovereign equality of all Members of this Organization formally declared in the UN Charter and the actually developed principle of inequality. In the course of the analysis, some norms of the UN Charter and the Universal Declaration of Human Rights are considered, which are significant from the point of view of assessing the legal status of the UN member states. The author reveals the key manifestations of the unspoken principle of inequality, implemented primarily within the framework of the UNO in relation to various states. At the same time, the regularity, historical, political and legal conditionality of this principle is emphasized. The policy of restrictions related to nuclear weapons is noted as one of the components of the principle of legal inequality, as evidenced by the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. As a result of the analysis, it is concluded that it is impossible to radically revise the current situation in terms of ensuring equality of states on a global scale. The author also comes to the conclusion that the existing world order,

characterized by the presence of legal inequality, is to a certain extent beneficial to Russia as one of the leading powers in the circle of permanent members of the UN Security Council and the circle of nuclear powers.

Keywords: state, equality of states, independence, inequality of states, principles of international law, Russian sovereignty, sovereign state, USA, nuclear powers

Введение

Положенный в основу ООН принцип суверенного равенства всех ее Членов, провозглашенный в ст. 2 Устава ООН [2], на протяжении всего периода существования данной Организации продолжает оставаться лишь формальным. Де-факто же имеет место юридическое неравенство государств, тоже порожденное нормами указанного Устава. Это выражает наличие в главном документе крупнейшей международной организации принципиального противоречия, что не может не вызывать научного интереса. И в этой статье автором рассматриваются предпосылки и причины неравенства, специфика его выражения применительно к ООН, даётся авторская оценка указанной проблемы.

Основная часть

Идея обеспечения равенства всех стран-членов ООН отчасти выражено уже в преамбуле Устава ООН, где говорится, в том числе о равенстве прав больших и малых наций. Учитывая данное положение, можно было бы полагать, что все нормы Устава должны быть пронизаны принципом равенства. Однако кажущаяся на первый взгляд очевидной идея равенства реализуется в анализируемом Уставе не вполне последовательно и более того, весьма противоречиво.

Противоречивость становится очевидной при обращении внимания на зафиксированный в рассматриваемом Уставе подход к формированию главных органов ООН. Так, Генеральная Ассамблея ООН, относящаяся к числу ключевых органов данной Организации, согласно ст. 9 Устава, состоит из всех Членов ООН,

и эта норма, безусловно, является одним из важнейших проявлений принципа равенства государств.

Совет Безопасности, также относящийся к числу важнейших органов ООН, однако, сформирован на совершенно иных принципах, явно отражённых в ст. 23 Устава. Согласно данной норме, в состав указанного органа входят 15 стран, из которые:

- 5 стран имеют статус постоянных Членов (Китай, Франция, СССР (ныне Россия как правопреемник, правопродолжатель Союз ССР [1]), Великобритания, США);

- 10 стран, избираемых Ген. Ассамблеей на срок 2 года, являются непостоянными членами.

Интерес представляет и процедура голосования, урегулированная ст. 27 Устава. Согласно данной норме, для принятия Советом Безопасности решения требуются голоса 9 членов Совета. При этом в обязательном порядке должны совпадать голоса всех постоянных членов. То есть имеет место фактическое неравенство голосов постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности, что явно свидетельствует о неравенстве роли разных стран в обеспечении мира и безопасности в рамках деятельности ООН.

С другой стороны, формирование Совета Безопасности из ведущих, наиболее сильных держав представляется оправданным, по крайней мере, с учётом их военной мощи. В этом смысле нет оснований для однозначных утверждений о в том, что неравенство является абсолютным и неоправданным. Полагаем, что оно имеет лишь частичный характер и притом обоснованным.

Надо сказать, что в литературе весьма активно обсуждается проблематика, связанная с проявлением неравенства в практике формирования Совета Безопасности ООН. При этом сложившаяся практика характеризуется как отклонение от принципа формального равенства, в которой выделяются постоянные и непостоянные члены. Выделение после Второй мировой войны группы стран, имеющих преимущества, с одной стороны, было обусловлено

принципом исторической справедливости, так как именно эти государства (за исключением, пожалуй, Франции, включение которой в постоянные члены Совета Безопасности ООН являлось «кремлевским проектом») понесли самые значительные потери и сыграли главную роль в борьбе с фашизмом, но, с другой стороны — способствовало не оправдавшему себя в рамках Лиги Наций делению субъектов международного права на победителей и побежденных, которое рано или поздно должно было устареть [7].

Таким образом, существующий в настоящее время подход к формированию состава Совета Безопасности ООН в определённой степени можно назвать исторически и политически обусловленным, что в определённой степени затрудняет его критику. Иными словами, отклонение от принципа равенства является очевидным и в определённой степени нарушающим права стран, чьи интересы, возможно, ущемляются подобным неравенством. Однако с точки зрения глобальной безопасности такой подход оправдан. Кроме того, он оправдан и с точки зрения интересов современного Российского государства, ведь Россия является постоянным членом Совета Безопасности, и в условиях узкого круга постоянных членов ее политический статус и фактическая роль довольно весомые.

Безусловно, в этом контексте нельзя не учитывать и военную мощь, которая имеется у каждой из держав, входящих в Совет Безопасности на постоянной основе. Думается, этот аспект тоже послужил важной предпосылкой для определения постоянного членства в Совете Безопасности.

Надо отметить, что в литературе приводятся и иные варианты обоснования наличия юридического неравенства стран, в том числе в рамках Совета Безопасности ООН. В частности, отмечает, что нарушение формального равенства в структуре Совета Безопасности ООН является исторически сложившимся и обусловленным необходимостью избежать раскола во мнениях представителей государств – членов ООН по важнейшим вопросам мировой политики, который может дестабилизировать международный правопорядок. То

есть, говоря о некоторых «отклонениях» от принципа формального равенства в праве международных организаций, можно применить встречающийся сейчас в научной литературе термин «справедливое неравенство» [6, с. 18].

Полагаем, что с данным мнением следует согласиться. О справедливости здесь вряд ли уместно говорить, однако обоснованность такого неравенства, безусловно, сомнений не может вызывать. И такое неравенство существует именно в интересах обеспечения глобальной безопасности. С другой стороны, нельзя не признать и того обстоятельства, что в условиях сложившегося миропорядка в приоритетном порядке учитываются интересы тех сверхдержав, которые входят в Совет Безопасности на постоянной основе. В этом смысле можно утверждать, что именно их интересы фактически ставятся выше интересов всех прочих государств, несмотря на формально закрепленное равенство.

Определённое неравенство юридического статуса государств проявляется и в отношении их граждан. Причём здесь тоже имеют место своего рода двойные стандарты. И в этой связи стоит обратиться и к другому важнейшему документу, принятому в рамках ООН – Всеобщей декларации прав человека [3]. Ст. 2 указанной Декларации гласит, в частности, что «не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете».

Однако реалии современных международных отношений свидетельствует об обратном: граждан, представляющих отдельные государства, дискриминируют именно по признаку гражданской принадлежности, что тоже является убедительным подтверждением неравенства. И в этой связи вряд ли можно говорить о том, что такое неравенство оправдано.

Говоря о неравенстве государств, нельзя не заметить, что реальная возможность реализации принципа равноправия при различном положении

стран была поставлена под сомнение с момента закрепления его в Уставе ООН [1], когда пять держав – членов Совета Безопасности – наделяются правами в несколько большем объеме, чем все остальные [5].

Думается, что обусловленность такого неравенства проистекает из самой идеи создания ООН, учредителями которой выступали, прежде всего, сверхдержавы. Безусловно, они не могли не воспользоваться собственными возможностями и не оставить за собой право постоянного присутствия в одном из ключевых органов данной Организации.

Поэтому можно сделать вывод о том, что понимание принципа равноправия применительно к государствам в глобальном международном масштабе, в том числе в рамках ООН, является в определённой степени ограниченным. То есть равноправие государств-участников международных правоотношений можно свести к наличию у каждого принципиально одинаковых прав и обязанностей в рамках международного общения. Вопрос только в том, кто из равноправных субъектов международного права пользуется этими правами в полной мере, а кто, имея идентичные права, остается на периферии [5]. То есть в международном праве господствует весьма своеобразное понимание принципа равенства государств.

Есть мнение, что проблема неравенства государств на сегодняшний день кроется в геополитических амбициях государств, обладающих наибольшим влиянием в определенных регионах, а также и во всем мире, к которым относятся, прежде всего, США [5]. Однако нельзя говорить об отсутствии каких-либо существенных амбиций и у других стран, именующихся сверхдержавами. К ним относится и Россия в том числе, хотя ей геополитические амбиции присущи в меньшей мере.

Говоря о юридическом и политическом неравенстве, нельзя не обратить особого внимания на экономическую составляющую. Ведь равенство в указанных аспектах возможно только при условии их экономического равенства и общего стремления всех государств к развитию человечества, а не заботы о

нуждах общества отдельно взятого государства. Но на текущем уровне культурного развития человечества такая тенденция мирового развития является призрачной [5].

Таким образом, в определённой степени фактический принцип юридического неравенства является уже давно сложившимся и закономерным. Тем не менее, изложенное не означает, что следует отказываться полностью от принципа равенства, который остаётся лишь формальным, ведь и формально декларируемый принцип равенства тоже имеет немаловажное значение для стабилизации и развития международных отношений, в том числе в юридическом аспекте. Есть все основания утверждать, что принцип формального равенства призван сгладить возможные противоречия и является абсолютно необходимым. Например, именно принцип формального равенства позволил после Второй мировой войны принять Всеобщую декларацию прав человека, положения которой разрабатывались с большим трудом [7].

Немаловажной составляющей юридического неравенства государств выступает международная политика ядерного сдерживания и сложившийся асимметричный подход к разрешению ядерной проблемы. Тут стоит сказать, что дискуссии по проблемам «асимметрии» выступают одним из наиболее острых (и вместе с тем наиболее перспективных) направлений в теории ядерного сдерживания. При этом в самом общем смысле под асимметрией в этой теории исследователи понимают именно неравенство сил субъектов ядерного сдерживания [8]. В контексте изложенного важно подчеркнуть наличие Договора о нераспространении ядерного оружия [4], который фактически закрепляет за рядом держав исключительное право на владение ядерным вооружением и исключает возможность владения таким оружием для подавляющего большинства стран мира.

Заключение

Юридическое неравенство государств и приоритет интересов ведущих держав давно уже сформировали некий негласный принцип, на котором

базируется современное международное право. Поддерживаемое в рамках ООН такое неравенство является исторически, политически, экономически обусловленным, и в целом под сомнение не ставится. Хотя и имеют место попытки пересмотра сложившегося миропорядка, основанного на указанном принципе.

Для России такое неравенство в определённой мере выгодно. В то же время сложившийся порядок даёт определённые преференции отдельным державам, проводящим весьма агрессивную международную политику, в частности, Соединённым Штатам Америки.

В ближайшей перспективе сложившийся порядок вряд ли будет пересмотрен, в чем нет острой потребности. Тем не менее, возможность внесения некоторых изменений в него имеется, если таковые не будут в негативном ключе затрагивать интересов ведущих мировых держав или будут осуществляться в их интересах.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 4 июл.
2. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Договор о нераспространении ядерного оружия (одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12.06.1968) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Баршова О. А., Квитова К. С. Государственное неравенство как проблема развития международного права // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 10. С. 59–62.

6. Воронцова Н.Л. Принцип формального равенства в контексте идеи справедливости // Вестник ВЭГУ. 2015. № 1 (75). С. 17–22.
7. Дорская А. А. Принцип формального равенства в системе принципов права международных организаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 62–72.
8. Фененко А. В. Асимметричная модель ядерного сдерживания // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 3. С. 13–29.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 4 iyul.
2. Ustav Organizacii Ob``edinenny`x Nacij (prinyat v g. San-Francisko 26.06.1945) (s izm. i dop. ot 20.12.1971) // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General`noj Assambleej OON 10.12.1948) // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Dogovor o nerasprostranении yadernogo oruzhiya (odobren rezolyuciej 2373 (XXII) General`noj Assamblei ot 12.06.1968) // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Barshova O. A., Kvitova K. S. Gosudarstvennoe neravenstvo kak problema razvitiya mezhdunarodnogo prava // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo. 2017. № 10. S. 59–62.
6. Voroncova N.L. Princip formal`nogo ravenstva v kontekste idei spravedlivosti // Vestnik VE`GU. 2015. № 1 (75). S. 17–22.
7. Dorskaya A. A. Princip formal`nogo ravenstva v sisteme principov prava mezhdunarodny`x organizacij // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2016. № 2. S. 62–72.
8. Fenenko A. V. Asimmetrichnaya model` yadernogo sderzhivaniya // Analiz i prognoz. Zhurnal IME`MO RAN. 2021. № 3. S. 13–29.

Научная статья

УДК 327:341

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В СИСТЕМЕ БАРЬЕРОВ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ МИРНОМУ СОСУЩЕСТВОВАНИЮ

Айкен Мэри, Ph.D., профессор, заведующий кафедрой киберпсихологии, Капитолийский технологический университет, профессор судебной киберпсихологии на факультете права и криминологии Университета Восточного Лондона, ruvaviy_phd@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы национальные интересы суверенных государств в системе барьеров, которые затрудняют мирное сосуществование. Отражена краткая предыстория стремления мирового сообщества к созданию условий для мирного сосуществования и подчёркнута особая роль ООН как сообщества и платформы, служащей для обеспечения мирного диалога и разрешения международных споров. Проблема национальных интересов рассматривается с позиций действующего российского законодательства, прежде всего Конституции Российской Федерации и Концепции внешней политики. Отдельные интересы Российской Федерации обосновываются как фактор, порождающий явные противоречия с интересами других стран, что автором оценивается как объективное и естественное состояние международных отношений. Признавая национальные интересы России и других стран фактором, порождающим противоречия, автор отмечает и наличие некоторых общих интересов, которые могут способствовать развитию международных отношений в конструктивном русле. Однако, объединяющие факторы по тем или иным причинам многими государствами игнорируются и делается акцент на негативных аспектах, способствующих обострению противоречий. Учитывая, что национальные интересы выступают объективными препятствиями для конструктивного взаимодействия, в особенности в отношениях с наиболее сильными мировыми державами, делается вывод, что даже в периоды улучшения

внешнеполитической ситуации не следует недооценивать данный фактор. Это означает.

Ключевые слова: государственный суверенитет, защита национальных интересов, интересы Российской Федерации, международные конфликты, международные отношения, международные санкции, мирное сосуществование, национальные интересы

Статья поступила в редакцию 31.05.2025, одобрена после рецензирования 27.07.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

THE NATIONAL INTERESTS OF SOVEREIGN STATES IN THE SYSTEM OF BARRIERS PREVENTING PEACEFUL COEXISTENCE

Aiken Mary, Ph.D., Professor, Head of the Department of Cyberpsychology, Capitol Technology University, Professor of Forensic Cyberpsychology at the School of Law and Criminology, University of East London

Abstract

The article analyzes the national interests of sovereign states in a system of barriers that make peaceful coexistence difficult. The brief background of the international community's desire to create conditions for peaceful coexistence is reflected, and the special role of the United Nations as a community and platform serving to ensure peaceful dialogue and resolve international disputes is emphasized. The problem of national interests is considered from the standpoint of current Russian legislation, primarily the Constitution of the Russian Federation and the Concept of Foreign Policy. The individual interests of the Russian Federation are justified as a factor generating obvious contradictions with the interests of other countries, which the author evaluates as an objective and natural state of international relations. Recognizing the national interests of Russia and other countries as a factor generating contradictions, the author also notes the existence of some common interests that can contribute to the

development of international relations in a constructive manner. However, for one reason or another, the unifying factors are ignored by many states and the emphasis is on the negative aspects that contribute to the aggravation of contradictions. Given that national interests are objective obstacles to constructive interaction, especially in relations with the most powerful world powers, it is concluded that even during periods of improvement in the foreign policy situation, this factor should not be underestimated. It means.

Keywords: state sovereignty, protection of national interests, interests of the Russian Federation, international conflicts, international relations, international sanctions, peaceful coexistence, national interests

Введение

Проблема мирного сосуществования как одна из важнейших глобальных проблем, остаётся актуальной на протяжении всей истории человечества. И особенно острой она стала в XX веке, когда военные столкновения приобрели глобальный характер. Но пройдя две мировые войны, человечество пришло к некоторому консенсусу, образовав Организацию Объединённых Наций (ООН) как некое единое сообщество и своеобразную платформу для создания условий к международному диалогу.

Включение в состав данной Организации практически всех государств обеспечило возможность для урегулирования имеющихся противоречий дипломатическими методами, однако, это не позволило в полной мере достичь цели обеспечения мирного сосуществование в глобальном масштабе. Национальные интересы каждого из суверенных государств можно назвать одним из главных факторов, препятствующих достижению указанной цели. В данной статье они рассматриваются с точки зрения международного и национального (российского) права.

Основная часть

Национальные интересы – одна из фундаментальных категорий политики

и права, отражающая во многом определённый спектр юридически, экономически, политический, нравственно значимых ценностей, признаваемых и защищаемых не только обществом в целом, но и государством, причём как де-факто, так и де-юре. В науке же по поводу понимания данной категории пока единого мнения не выработалось, однако есть некоторые определения, которые заслуживают внимания с точки зрения их анализа в рамках избранной темы.

Надо сказать, что в научном дискурсе вопрос трактовки понятия «национальный интерес» более сложен, нежели в законодательстве и подзаконных нормативных актах, где данное понятие упоминается. Б. В. Межуев, говоря о данном феномене, задаётся вопросом о том, каковы же реальные национальные интересы применительно к российскому обществу, если одна часть этого общества заинтересована в укреплении контактов с Западом, другая – в независимой и самостоятельной политике, и даже в изоляции от остального мира, а третья – тяготеет к миру ислама? [6].

Думается, что ответы на данный вопрос могут быть различны. Но, поскольку Российское государство защищает национальные интересы в рамках своей международной деятельности и от своего лица, и от лица всего многонационального российского народа, то логично было бы принимать за национальные интересы все то, что ценно для Российского государства и российского народа в целом. В этом случае нет необходимости говорить о выделении интересов каких-то отдельных групп по политическим, идеологическим, национальным, религиозным и прочим мотивам. В масштабе страны национальный интерес, как мы полагаем, определяется теми ценностями, которые важны для сохранения государства и тех ценностей, которые декларируются в Основном Законе страны – Конституции Российской Федерации [1].

Всходя из этого, национальные интересы можно определить как узко и детализированно, то есть относительно каждого отдельно взятого аспекта жизни государства и общества (защита прав и свобод человека и гражданина,

обеспечение национального суверенитета, обеспечение обороны страны и пр.), так и максимально обобщённо (например, сохранение конституционных основ Российского государства и общества).

Конечно, это существенно затрудняет задачу определения смысла и содержания национальных интересов. И более того, национальные интересы, будучи рассмотренными в общетеоретическом аспекте, могут трактоваться и абстрагированно от норм российского законодательства. В этом случае данное понятие может определяться как некоторая категория, отражающая набор определённых ценностей, имеющих жизненно важное значение для народа (нации), составляющего население государства.

Поэтому, соглашаясь с Б. В. Межуевым в признании неоднородности российского общества и разнонаправленности интересов его граждан [6], следует отметить и важность обобщённого, объединённого понимания национальных интересов, исходя из цели нивелирования возможных разногласий, противоречий, расхождения интересов отдельных социальных слоёв. Иной взгляд на феномен национальных интересов в контексте функционирования государства нам представляется ошибочным. Вряд ли интересы какой-либо узкой категории лиц могут рассматриваться как именно как национальные интересы, отвечающие целям развития единого государства, если они не совпадают с интересами других категорий лиц, входящих в состав населения. С другой стороны, интересы какой-либо отдельной категории лиц могут рассматриваться как некая составляющая национальных интересов государства, если они соотносятся с интересами государства в населения в целом.

В контексте российской политики в качестве примера таких интересов можно отметить защиту и развитие русского языка. Несомненно, представители этнической общности русских в этом заинтересованы в первую очередь. Однако если учесть, что население Российской Федерации включает и иные этнические общности, формирующие в целом многонациональный народ страны, то все население заинтересовано в наличии некой связующей основы и общего средства

коммуникации. Поэтому интересы этнической общности русских соответствуют этой части интересам российского государства и всего многонационального народа России. Безусловно, это не означает нивелирование или игнорирование роли языков других этнических общностей. Однако речь в этом случае идёт именно о поиске некоего общего объединяющего начала, в качестве которого и выступает русский язык.

Возвращаясь к проблеме понимания феномена национальных интересов, важно ещё раз подчеркнуть их общность и единство для всего населения страны. И указанный пример это иллюстрирует.

По справедливому замечанию М. Н. Казаковой, применительно к демократическому обществу национальный интерес должен формироваться на базе обобщения интересов граждан [5, с. 30].

Если учесть изложенное и тот факт, что интересы граждан в рамках конкретного в рамках государства выражаются в политике этого государства, которая определяется в том числе представительными органами власти, формируемыми на принципах выборности, то можно признать, что национальные интересы во много тождественны государственным и представляют объективно значимые для государства цели и задачи [8, с. 22].

Отсюда возникает необходимость оценки значимости этих интересов, определения их соотношения с интересами, которые формируются во внешнем мире, вне пределов конкретного государства. И в этом случае становится очевидным наличие интересов у каждого отдельного государства, особенно с учётом суверенитета, то есть независимости. А исходя из независимости становится очевидным и естественным наличие противоречий интересов различных стран. Конечно, наличие таких противоречий не является прямой причиной нарушения мира и появления угроз мирному сосуществованию. Это лишь одна из косвенных предпосылок.

При этом, говоря о мирном сосуществовании, автор подразумевает не развитие общества в контексте мультикультурализма в рамках конкретного

государства [7], а именно контекст глобального сосуществования разных государств.

Многие аспекты современных реалий глобального мирового пространства логично раскрыты в Концепции внешней политики [2], на которой стоит остановиться внимательно. В указанной Концепции подчёркивается проведение Россией внешнеполитического курса в соответствии с её национальными интересами, с учётом сознания ответственности за поддержание мира и безопасности, в том числе в глобальном масштабе.

Конечно, это означает и определённое активное участие России в тех событиях, которые происходят в мире, а не игнорирование их. В этом смысле активная внешняя политика России отвечает именно её интересам в первую очередь. Очевидно, что приоритетный характер собственных интересов. Свойственен и другим государствам, вне зависимости от характера их взаимоотношений с Россией и другими странами. В этом кроется одно из принципиальных противоречий. Хотя нельзя сказать, что такие противоречия неразрешимы. У разных стран, безусловно, имеются и общие интересы, в определённой степени способствующие их объединению или, по крайней мере, могущие способствовать этому. Однако, по разным причинам в тех или иных случаях именно противоречия выступают более сильным фактором, влекущим нарушение мирного сосуществования.

В рассматриваемой концепции закреплён перечень национальных интересов Российской Федерации. Их учёт тоже даёт некоторые представления об исследуемой проблеме. Так, в числе интересов выделяется защита территориальной целостности страны. И логично полагать, что государства, прежде всего сопредельные, испытывающие дефицит территорий (например, Япония), в определённой степени заинтересованы в обратном.

В числе интересов выделяется укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей. В этом смысле отдельные государства и (или) их объединения, культивирующие ценности, принципиально отличные или даже

противоречащие ценностям, защищаемым в России, вряд ли заинтересованы в том, чтобы именно российские ценности развивались и популяризировались в мире.

Говоря об интересах, связанных с защитой конституционного строя, суверенитета и независимости, нельзя не признать, что именно эти основы позволяют России как государству проводить самостоятельную политику именно в собственных интересах, хотя и с учётом интересов мирового сообщества в целом. Очевидно, что в сохранении Россией суверенитета и независимости не заинтересованы те государства, которые проводят в отношении неё недружелюбную, даже агрессивную политику. Их политика в этой связи, вполне логично продиктована их национальными интересами.

В указанной концепции подчёркивается и привычка отдельных государств следовать логике глобального доминирования и неоколониализма. В этом тоже проявляются явные противоречия, существующие в глобальном мире.

В концепции также указывается на особую значимость баланса сил и интересов. В этом смысле баланс сил крайне необходим для поддержания мира и безопасности именно в глобальном масштабе. В то же время, например, каждая из сверхдержав в определённой степени заинтересована в том, чтобы баланс сил, как минимум не менялся в ущерб её интересам. При этом очевидна и заинтересованность в изменении баланса сил в собственную пользу. И вся политика любого государства, по крайней мере крупных держав, ориентирована именно на обеспечение баланса сил либо на его склонение в собственную пользу, что тоже продиктовано национальными интересами. И следуя национальным интересам, государства задействуют все имеющиеся у них ресурсы, в том числе и военные.

Стоит согласиться с тем, что большая часть человечества заинтересована в том, чтобы отношения с Россией были конструктивными в рамках международного сообщества. При этом нельзя сказать, что в таких

конструктивных отношениях заинтересованы все. И в этом контексте усматриваются определённые противоречия национальных интересов.

В конечном итоге свободная независимая российская политика является угрозой гегемонии Соединённых Штатов и их сателлитов, как сказано в рассматриваемой Концепции. Это чётко отражает наличие противоречий национальных интересов.

Признавая существенный характер противоречий, нельзя не сказать и о наличии некоторых общих интересов, которые, к сожалению, игнорируются многими государствами, в частности, теми, которые проводят санкционную политику в отношении России. Здесь в определённом смысле прослеживается стремление их к доминированию в мире [3, с. 97]. Однако, такое стремление в некоторых случаях переходит все мыслимые границы, порождая высокие угрозы мирному сосуществованию.

Следует сказать, что и когда угроз мирному сосуществованию нет, политика конкуренции, тем не менее, сохраняется, что особенно проявляется в, например, в продвижении европейских ценностей на постсоветском пространстве, в чем, очевидно, были заинтересованы европейские державы [4, с. 429], многие из которых являлись и являются членами НАТО.

В этой связи нельзя не затронуть и проблему расширения НАТО на Восток, которая особенно обострилась именно в постсоветский период. В этом смысле интересы России и стран-членов НАТО находились и продолжают находиться в определённом противоречии, которое с российской стороны предлагалось разрешить путём создания юридически обязывающих гарантий нерасширения НАТО на Восток [9, с. 370], что, однако, не увенчалось успехом и повлекло необходимость применения определенных жестких мер реагирования со стороны России.

Налицо явное противоречие интересов суверенных государств. Здесь интересы России в части противостояния блоку НАТО вполне очевидны: данная организация представляет явную угрозу для нашей страны. В то же время многие

государства, в особенности малые, не обладающие большим военным, экономическим, людским потенциалом, в определённой степени заинтересованы в объединении усилий для защиты собственных интересов. Отсюда тоже вытекает противоречие, которое по многим причинам можно считать объективным.

Заключение

Выводы национальные интересы суверенных государств, реализуемые в виде целей и задач в рамках их политики, прежде всего внешней, являются одними из предпосылок, способствующих возникновению и обострению разногласий в международных отношениях. Когда эти разногласия становятся наиболее остры, возникают угрозы мирному сосуществованию. И в этой связи следование каждого государства своим собственным интересам даёт основание рассматривать национальные интересы в качестве одного из барьеров, препятствующих мирному сосуществованию.

Другой аспект национальных интересов может быть выражен в рамках сотрудничества и конструктивного взаимодействия. Однако и здесь усматриваются определённые препятствия, но уже в рамках соответствующих межгосударственных организаций и блоков. Так, присоединение государства к той или иной организации, пусть и в рамках своих национальных интересов, влечёт принятие политики этой организации, которая может быть противоречащей интересам других стран.

Потому развивая национальную политику, России принципиально важно всегда учитывать, что национальные интересы других государств по объективным причинам часто противоречат интересам России, независимо от сложившейся обстановки на тот или иной момент. И данный факт нельзя сбрасывать со счетов даже в тех случаях, когда международная обстановка нормализуется.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 26 декабря.
2. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Виноградова Е. В., Намчук А. В. Санкции как инструмент международного давления в постбиполярном мире // Евразийская адвокатура. 2022. № 2(57). С. 96–100.
4. Ерохов В. А. Геополитические интересы стран ЕС и США как угроза национальной безопасности РФ / В. А. Ерохов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 4(17). С. 427–432.
5. Казакова М. Н. Национальные интересы: к вопросу об определении и содержании понятия // Инженерные технологии и системы. 2010. № 3. С. 26–32.
6. Межуев Б. В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Полис. Политические исследования. 1997. № 1. С. 5–31.
7. Паин Э. Мирное сосуществование XXI века // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 2. С. 8–23.
8. Паньшина Д. А., Уфимцева О. В. Национальные интересы как базовое понятие в теории международных отношений // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2016. № 4. С. 22–25.
9. Санкционная политика США и европейских стран в отношении России: поворот начала 2022 года / Г. А. Бегларян, Г. Н. Иванов, П. П. Калугина, А. В. Половинчикова // Экономические отношения. 2022. Т. 12, № 3. С. 367–388.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. 26 dekabrya.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 31.03.2023 № 229 «Ob utverzhdenii koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul`tantPlyus».
3. Vinogradova E. V., Namchuk A. V. Sankcii kak instrument mezhdunarodnogo davleniya v postbipolyarnom mire // Evrazijskaya advokatura. 2022. № 2(57). S. 96–100.
4. Erosov V. A. Geopoliticheskie interesy` stran ES i SShA kak ugroza nacional`noj bezopasnosti RF / V. A. Erosov // Azimut nauchny`x issledovanij: e`konomika i upravlenie. 2016. T. 5, № 4(17). S. 427–432.
5. Kazakova M. N. Nacional`ny`e interesy` : k voprosu ob opredelenii i sodержanii ponyatiya // Inzhenerny`e tekhnologii i sistemy`. 2010. № 3. S. 26–32.
6. Mezhev B. V. Ponyatie «nacional`ny`j interes» v rossijskoj obshhestvenno-politicheskoj my`sli // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1997. № 1. S. 5–31.
7. Pain E`. Mirnoe sosushhestvovanie XXI veka // Rossiya v global`noj politike. 2011. T. 9, № 2. S. 8–23.
8. Pan`shina D. A., Ufimceva O. V. Nacional`ny`e interesy` kak bazovoe ponyatie v teorii mezhdunarodny`x otnoshenij // Vestnik social`no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki. 2016. № 4. S. 22–25.
9. Sankcionnaya politika SShA i evropejskix stran v otnoshenii Rossii: povorot nachala 2022 goda / G. A. Beglaryan, G. N. Ivanov, P. P. Kalugina, A. V. Polovinchikova // E`konomicheskie otnosheniya. 2022. T. 12, № 3. S. 367–388.

Научная статья

УДК 341

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Клементс Ричард, Ph.D., Тилбургский университет, Тилбург, Северный Брант, Нидерланды, richclemtilb@gmail.com

Аннотация

Евразийская интеграция как одна из фундаментальных проблем современного этапа развития международного права на постсоветском пространстве является крайне спорной. Интеграционный процесс, получивший импульс к усилению в 2022 году, тем не менее, не позволили пока сформировать единую правовую систему, которая была бы идентична государственной или, по крайней мере, правовой системе, созданной в пространстве Совета Европы и Европейского Союза. Главной особенностью интеграции в рамках ЕАЭС является её сугубо экономический характер. Иные же аспекты интеграции пока не получили своего развития. С учетом этого автор рассматривает существующие проблемы с позиции возможных вариантов их разрешения. В качестве причины, препятствующей более тесной интеграции, называется стремление государств-членов ЕАЭС максимально обезопасить свой суверенитет. Среди проблем также называется отсутствие ответа на вопрос о роли наднационального регулирования и инструментов обеспечения общеобязательности наднациональных норм. В итоге автор приходит к выводу о необходимости углубления интеграции, но без ущерба национальному суверенитету, для чего высказывает мысль о необходимости определить статус наднациональных норм и инструменты обеспечения их общеобязательности.

Ключевые слова: глобализация, ЕАЭС, евразийская интеграция, интеграционное право, международное право, национальное право, правовая система, экономическое сотрудничество

Статья поступила в редакцию 22.06.2025, одобрена после рецензирования 19.08.2025, принята к публикации 17.11.2025.

Original article

LEGAL PROBLEMS OF EURASIAN INTEGRATION

**Richard Clements, Ph.D., Tilburg University, Tilburg, North Brabant,
Netherlands**

Abstract

Eurasian integration as one of the fundamental problems of the current stage of development of international law in the post-Soviet space is extremely controversial. The integration process, which received an impetus to strengthen in 2022, nevertheless has not yet allowed the formation of a unified legal system that would be identical to the state or at least the legal system established in the Council of Europe and the European Union. The main feature of integration within the EAEU is its purely economic nature. Other aspects of integration have not yet been developed. With this in mind, the author examines the existing problems from the perspective of possible solutions. The desire of the EAEU member states to protect their sovereignty as much as possible is cited as the reason preventing closer integration. Among the problems is also the lack of an answer to the question of the role of supranational regulation and the tools to ensure the binding nature of supranational norms. As a result, the author comes to the conclusion that it is necessary to deepen integration, but without prejudice to national sovereignty, for which he suggests the need to determine the status of supranational norms and tools to ensure their universal validity.

Keywords: globalization, EAEU, Eurasian integration, integration law, international law, national law, legal system, economic cooperation

Введение

Процесс глобализации, идущий полным ходом, порождает необходимость тесного взаимодействия с другими странами. Российская Федерация, находящаяся в числе крупнейших мировых держав, не может не учитывать эти тенденции развивается в тесном сотрудничестве с другими субъектами международных отношений. Однако попытки построить тесные международные взаимосвязи в рамках европейского сообщества, к сожалению, не увенчались успехом, результатом чего стал выход нашей страны из Совета Европы и из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Вместе с этим из правовой системы России были исключены и многие источники международного права, принятые ранее в рамках европейского сообщества и являвшиеся для России на протяжении более 20 лет весьма значимыми ориентирами на пути правового развития. В этих условиях Евразийский экономический союз (ЕАЭС) стал организацией, в определённых аспектах заменившей России Совет Европы и соответствующие европейские институты международного права. Тем не менее, интеграция в пределах евразийского сообщества пока не достигла того уровня, при котором можно было бы говорить о полноценном и плотном сотрудничестве не только в экономической, но и в правовой сфере, хотя потребность в этом видится. Поэтому вопросы евразийской интеграции выходят на первый план в проблематике современного международного права в аспекте интересов России.

Основная часть

Внутри российской правовой системы на конституционном уровне в целом созданы все базовые условия для международной интеграции и в широком смысле этого слова, и в смысле международного взаимодействия в рамках отдельных организаций, среди которых также ЕАЭС. Уже в преамбуле Конституции РФ [1] сказано о том, что Россия осознает себя частью мирового сообщества, а в ряде конституционных норм подчёркнута важная роль

международного права как неотъемлемой составляющей российской правовой системы.

Поэтому нет оснований говорить о неготовности России к более тесной евразийской интеграции. Проблема, как мы считаем, в большей степени кроется в недостаточной готовности самого ЕАЭС развиваться в условиях более динамичного сотрудничества, причем не только в торговой сфере, но и в правовой. Тем не менее, мощный стимул для ускорения интеграционных процессов в пределах евразийского пространства был дан в 2022 году, который стал и одним из наиболее сложных в истории ЕАЭС [5, с. 207].

Фактор множественных так называемых международных санкций, введенный в отношении России со стороны ряд враждебно настроенных стран, прежде всего, западных, в определённой степени поспособствовал усилению заинтересованности и самой России, и других членов данной Организации в более динамичном развитии сотрудничества. И если прежде значимую роль в международном взаимодействии для России играли страны и международные организации Европы, то есть Совет Европы и Европейский Союз (несмотря на то, что Россия не стала его членом), то в последние годы, особенно с 2022 года именно ЕАЭС стал тем центром развития интеграционных процессов.

Такая оценка изменений в области процессов правовой интеграции не может считаться безосновательной, так как именно в 2022 году деятельность органов ЕАЭС стала значительно плодотворнее: было проведено более 60 заседаний, итогом чего стало принятие более 400 решений и около 300 распоряжений относительно вопросов, переданных на союзный уровень. И эти факты позволили со всей уверенностью утверждать о создании наднационального права в пространстве ЕАЭС, но пока лишь в экономической сфере [5, с. 207].

Конечно, утверждение о создании права ЕАЭС в некоторой мере условно, так как не представляется возможным признать факт создания полноценной правовой системы, которая была бы аналогична правовой системе государства,

со всеми её базовыми элементами (отраслями, подотраслями, институтами, субинститутами). То есть право в международном пространстве ЕАЭС если и создано, то в весьма ограниченном формате, охватывающем исключительно экономический аспект международных отношений, причём именно между государствами.

Основной пласт вопросов, которые с экономикой непосредственно не связаны, на международный уровень не передан. В частности, вопросы гражданских правоотношений, возникающих между гражданами, правом ЕАЭС не охватываются; вопросы уголовной ответственности правом ЕАЭС не охватываются; вопросы государственного управления, правосудия, защиты прав человека и гражданина правом ЕАЭС в полном смысле этого слова тоже не охватываются. То есть интеграция в евразийском пространстве остаётся частичной, ограниченной, что, однако, не исключает её углубления в дальнейшем.

С. Ю. Глазьев и И. Ф. Кефели тоже обращают особое внимание на сугубо экономический характер евразийской интеграции, характеризующейся сохранением полноценного суверенитета и политической независимости государственных институтов [3, с. 17]. В избрании такого подхода к развитию международной интеграции видятся определённые преимущества: нет каких-либо угроз для государственного суверенитета; не ставятся под сомнение на международном уровне те подходы к разрешению внутригосударственных вопросов, которые используются в странах-участницах ЕАЭС. По этому признаку данная Организация существенно отличается от Совета Европы и Европейского Союза, где интеграция более тесная, существуют юрисдикционные органы наднационального уровня, компетенция которых выходит далеко за рамки экономики, в том числе и ЕСПЧ, позиции которого подчас вступают в противоречие с национальным правом. С другой стороны, такая особенность не позволяет обеспечить более тесную интеграцию между странами участницами ЕАЭС.

Если смотреть на перспективы развития всего евразийского пространства и России, в том числе, причём не только в экономическом, но и в иных жизненно важных аспектах, в том числе правовом, то, конечно, исключительно экономической интеграции недостаточно. На это указали и упомянутые выше С. Ю. Глазьев и И. Ф. Кефели [3, с. 17–18]. То есть интеграция необходима комплексная, охватывающая если не все, то, по крайней мере, ключевые сферы международных отношений, на базе которых может быть сформирована в определённой степени общая правовая политика.

Примечательно, что опыт европейских государств указанные авторы не рассматривают как пригодный для рецепции в пределах евразийского пространства, ссылаясь, в частности, на то, что лишь отдельные государства-члены Европейского Союза извлекают из функционирования указанной Организации в пользу, а, например, Греция, Испания, Италия теряют свою конкурентоспособность. Обосновывая такой взгляд на опыт европейских государств, упомянутые авторы указывают на наличие наднационального законодательства, которое превалирует над национальным законодательством стран-членов Европейского Союза. И в этом смысле данными исследователями Европейскому Союзу противопоставляется ЕАЭС, где решения принимаются исходя из консенсуса, при чем учитываются национальные интересы каждой страны. В то же время данные исследователи признают необходимость постановки общей и весьма высокой цели для стран-членов ЕАЭС [3, с. 17–18].

С мнением указанных исследователей возможно согласиться в той части, в какой они признают особую значимость консенсуальности при разрешении международных вопросов экономического характера в пределах ЕАЭС. В то же время не совсем понятно, каким образом в случае более тесной интеграции на базе общей идеи и единой далеко идущей цели в пределах ЕАЭС можно будет избежать жесткого влияния наднационального права на национальное законодательство, ведь если в пределах ЕАЭС будет сформулирована общая идея и далеко идущая цель, то нет сомнений в том, что многие вопросы развития

государств-членов будут регламентироваться в рамках этой Организации более подробно, затрагивая в том числе и те аспекты, которые каждое из государств привыкло рассматривать как исключительную сферу своих внутренних интересов.

С учётом этого стоит признать, что упомянутые выше авторы предлагают совместить несовместимое. В связи с этим полагаем, что возможно выбрать лишь один из вариантов дальнейшей интеграции: либо развивать интеграцию лишь в сфере экономики, и, возможно, в каких-то иных сферах, но без выработки единой общей идеи, которой будут следовать все без исключения члены ЕАЭС; либо выработать общую идею и цель, однако в таком случае многие вопросы, относимые в настоящее время к исключительной сфере внутренних интересов, будут решаться в рамках наднационального права ЕАЭС.

Без пересмотра роли наднационального права вряд ли получится вывести интеграцию в рамках ЕАЭС на качественно новый уровень, обеспечив развитие всех участниц данной Организации в одном общем направлении. Такой вывод следует из теснейшей взаимосвязи всех аспектов государственного управления и правового регулирования. Так, вопросы экономического сотрудничества теснейшим образом увязаны с вопросами военного сотрудничества, в том числе ввиду прямого влияния оборонной деятельности каждой страны на её экономические отношения с партнёрами.

Особо важная роль всесторонней международной интеграции в рамках ЕАЭС опосредуется также фактором противоречий, которые регулярно возникают между отдельными государствами и (или) международными межгосударственными объединениями. Так, А. У. Назарова подчёркивает, что в дальнейшем в рамках евразийского сотрудничества, развиваемого в энергетической сфере, может появиться проблема противоречий положений двусторонних договоров стран-членов ЕАЭС с третьими странами [6, с. 12]. Данная проблема особенно актуальной становится в условиях внешнего давления на Россию со стороны стран-членов НАТО и, прежде всего, США,

которые стремятся нарушить международные связи России с другими государствами, с особенностями на постсоветском пространстве.

Разумеется, что при возникновении подобных противоречий, причем не только в энергетической, но и в иных сферах, вопрос будет решаться в пользу права и порядка, которые более важны той или иной страны-участницы ЕАЭС. Поэтому наличие не только экономических, но и иных взаимосвязей, обеспечивающих полноценную всестороннюю интеграцию, может стать важным условием сохранения партнерства в пределах евразийского пространства. Для государства, полноценно интегрированного в евразийское пространство, вряд ли будет целесообразным при наличии каких-либо противоречий с третьими странами делать выбор в их пользу. В таких случаях бесспорный приоритет будет отдаваться именно праву ЕАЭС и сотрудничеству в его рамках.

Пока же, как отметил Л. И. Калашников, интеграция сдерживается в том числе и теми обязательствами, которые навязаны странам Всемирной торговой организацией [7, с. 10-11].

Конечно, ускорение интеграционных процессов в ЕАЭС, отмечаемое с 2022 года, позитивно сказалось на развитии данной организации. Но остаётся нерешённым множество вопросов, значительная часть которых касается именно наднационального правового регулирования. Среди главных можно отметить вопрос о том, являются ли наднациональные правила общеобязательными для всех членов ЕАЭС? Если да, то чем именно должна обеспечиваться их общеобязательность [2, с. 18]. Пока на этот и многие другие вопросы однозначного ответа не дано, вряд ли можно говорить о полноценной гармонизации права ЕАЭС и национального права, необходимой для интеграции стран-членов, хотя определённые тенденции к гармонизации имеют место [4, с. 115].

Заключение

Рассмотрев некоторые правовые проблемы евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, можно сделать вывод о том, что во многом они закономерны и

продиктованы стремлением стран-членов сохранить свою полную самостоятельность и суверенитет, пользуясь при этом доступом на единый рынок. Ввиду этого сотрудничество на евразийском пространстве остаётся пока лишь экономическим. В иных же сферах интеграции не происходит, особенно в вопросах обеспечения гарантий прав человека и гражданина.

Для укрепления интеграции в евразийском пространстве важно выработать общую идею и долгосрочную цель, при этом такое сотрудничество должно охватывать максимально широкий круг сфер международного взаимодействия, в том числе военную, сферу обеспечения прав человека, правосудие и пр. Но для выработки чёткой концепции международной интеграции без ущерба суверенитету важно дать ответ на вопрос о роли наднациональных норм для стран-участниц ЕАЭС. Без разрешения этого вопроса вряд ли возможно плодотворное развитие интеграции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 26 декабря.
2. Баишев Ж.Н. Суд ЕАЭС в системе органов Евразийского экономического союза // Интеграционное право: проблемы формирования и развития: научные статьи XI Евразийского научного форума: сборник / Под ред. А. Е. Шиловой. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2020. С. 14–19.
3. Глазьев С. Ю., Кефели И.Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 1(39). С. 10–21.
4. Капустин А.Е. Интеграционное право в евразийской интеграции // Интеграционное право: проблемы формирования и развития: научные статьи XI Евразийского научного форума: сборник / Под ред. А. Е. Шиловой. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2020. С. 108–116.

5. Мясникович М. В., Ковалев В. С. Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 2(120). С. 207–218.
6. Назарова А. У. Международно-правовое регулирование энергетического сотрудничества государств-членов ЕАЭС: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 137с.
7. Правовые вопросы евразийской экономической интеграции. Материалы парламентских слушаний и «круглого стола». М.: Издание Государственной Думы, 2018. 112 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. 26 dekabrya.
2. Baishev Zh.N. Sud EAE`S v sisteme organov Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza // Integracionnoe pravo: problemy` formirovaniya i razvitiya: nauchny`e stat`i XI Evrazijskogo nauchnogo foruma: sbornik / Pod red. A. E. Shilovoj. SPb.: Universitet pri MPA EvrAzE`S, 2020. S. 14–19.
3. Glaz`ev C. Yu., Kefeli I.F. K voprosu ob ideologii Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza // Evrazijskaya integraciya: e`konomika, pravo, politika. 2022. № 1(39). S. 10–21.
4. Kapustin A.E. Integracionnoe pravo v evrazijskoj integracii // Integracionnoe pravo: problemy` formirovaniya i razvitiya: nauchny`e stat`i XI Evrazijskogo nauchnogo foruma: sbornik / Pod red. A. E. Shilovoj. SPb.: Universitet pri MPA EvrAzE`S, 2020. S. 108–116.
5. Myasnikovich M. V., Kovalev V. S. Novy`e stranicy integracii v Evrazijskom e`konomicheskom soyuze // Rossiya v global`noj politike. 2023. Т. 21, № 2(120). S. 207–218.

6. Nazarova A. U. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie e`nergeticheskogo sotrudnichestva gosudarstv-chlenov EAE`S: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 137s.
7. Pravovy`e voprosy` evrazijskoj e`konomicheskoy integracii. Materialy` parlamentskix slushanij i «kruglogo stola». M.: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy`, 2018. 112 s.

CONTENTS

5.1.2. Public and legal sciences	8
Chopin J. IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF POWER TURNOVER IN THE PRACTICE OF RUSSIAN AND FOREIGN CONSTITUTIONALISM: POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES.....	8
Harrison K. TO THE PROBLEM OF LEGISLATIVE ESTABLISHMENT OF THE MINIMUM AGE OF DISABILITY	21
Sozzo M. CONTINUITY AS A PRINCIPLE OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	33
Rokhov D. CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO RELIABLE INFORMATION ABOUT THE STATE OF THE ENVIRONMENT	46
Jeffries S. LEGAL GAPS IN DETERMINING THE PURPOSES OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT IN ARTICLE 3.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	57
5.1.5. International Legal Sciences	68
Daken J. S. BASIC PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LAW: PROBLEMS OF CONSOLIDATION AND COMPLIANCE	68
Vashkevich P. QUESTIONS OF INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS	80
Bidet G. A. LEGAL INEQUALITY OF STATES AND PRIORITY OF INTERESTS OF LEADING POWERS AS AN UNSPOKEN PRINCIPLE OF INTERNATIONAL LAW	91
Aiken M. NATIONAL INTERESTS OF SOVEREIGN STATES IN THE SYSTEM OF BARRIERS TO PEACEFUL COEXISTENCE	101
Clements R. LEGAL PROBLEMS OF EURASIAN INTEGRATION.....	113